

Глава 5

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОМИ НАУЧНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ. КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.

Во второй половине XIX века — начале XX в. на территории Коми края начинает складываться национальная интеллигенция из числа выходцев из народа коми. Этому во многом способствовал рост численности школ на территории края и соответственно грамотных людей, что, в свою очередь, требовало увеличения численности учителей, врачей, писарей, местных чиновников. Именно из их среды вышли первые местные краеведы, о которых было сказано в предыдущей главе. В это время зарождается литература на коми языке. Наряду с этим появляются первые ученые, выходцы из коми народа, которые поставили перед собой цель исследовать историю народа коми и пропагандировать достижения традиционной культуры¹.

Позднее Н.Н. Поппе сформулировал вывод о том, что *«зыряне и вотяки всегда принадлежали к наиболее передовым восточно-финским народам: поставив себе целью самоизучение, эти два народа выдвинули немало исследователей из своей национальной среды. Этим и объясняется то обстоятельство, что в этнографическом отношении зыряне и вотяки могут считаться и наиболее изученными народами финно-угорского мира. Силами иностранцев, в данном случае и русских, никогда не могло быть налажено ста-*

*ционарное изучение финских народов, отдельные же поездки и экспедиции всегда могли дать материал лишь по известным сторонам быта этих народов. ...И если говорить вообще о самостоятельности финно-угорских народов в деле исследования быта, то в первую очередь необходимо упомянуть зырян и вотяков, деятельное сотрудничество которых с русскими исследователями, а порой и проявленная ими инициатива, привело к тому положению, в котором ныне находится этнографическое изучение пермских финнов»*².

Попытку систематики истории коми просветительства в XIX в. предпринял А.Е. Ванеев³. В основу классификации он положил социально-экономическую, формационную основу, характерную для советской историографии. Но обязательное деление общественных деятелей по идеологическому принципу на либералов, монархистов и т.д. не всегда «работало» при характеристике реального материала. Например, А.Е. Ванеев выделяет прогрессивно-демократический этап коми просветительства, основным представителем которого был основоположник профессиональной литературы на коми языке **И.А. Кура-**

¹ О развитии культуры и просвещения на территории нынешней Республики Коми в дореволюционный период см.: *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 24–54.

² *Поппе Н.Н.* Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угорский сборник. Л., 1928. С. 51. (Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15.)

³ *Ванеев А.Е.* Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар, 2001. С. 210.

тов. Но по двоичной системе исследователь должен был противопоставить ему реакционно-консервативный этап или, по крайней мере, представителей этого направления. Но противопоставления не было. Следующий этап А.Е. Ванеев определяет как либерально-демократический и в числе основных представителей называет *Г.С. Лыткина* и *К.Ф. Жакова*. Таким образом, дихотомия требует наличия противоположного элемента. Но и здесь им противопоставить некого. Именно на этой основе было построено большинство периодизаций советского времени, когда противопоставлялись национально-шовинистические, буржуазные и социалистические (коммунистические) направления, школы, методологии. Завершающий предреволюционный период исследователь обозначает как научно-системный период, ярким представителем которого является *П.А. Сорокин*. На наш взгляд, такая периодизация является достаточно условной. Г.С. Лыткин и К.Ф. Жаков были настоящими учеными, и их деятельность вполне соответствовала характеристикам последнего этапа развития коми просветительского движения. Из поля зрения А.Е. Ванеева выпал *В.П. Налимов*, коми этнограф, которого также можно считать представителем научно-системного этапа. Поэтому до настоящего времени периодизация А.Е. Ванеева остается лишь рабочей гипотезой.

С А.Е. Ванеевым можно согласиться в том, что коми просветители на всех этапах преследовали высокие и благородные цели — пробуждение национального самосознания и духовное возрождение родного народа. Их объединяло пристальное внимание к истории, фольклору и этнографии народа коми.

Развитие коми просветительства во второй половине XIX — начале XX века характеризуется преимуществом деятельности этих исследователей. Можно утверждать, что Г.С. Лыткин, первый ученый из коми народа, начал свою бескорыстную деятельность под воздействием И.А. Куратова. Под влиянием научно-просветительской деятельности Г.С. Лыткина к науке обратились К.Ф. Жаков

и В.П. Налимов. Кстати, именно В.П. Налимов опубликовал единственный некролог на смерть Г.С. Лыткина¹. Открытием К.Ф. Жакова был П.А. Сорокин, который с его помощью получил высшее образование и стал ученым с мировым именем и известным общественно-политическим деятелем. Под влиянием К.Ф. Жакова обратился к изучению традиционной культуры коми и *А.А. Цембер*. Именно он был инициатором создания первого в крае научного общества — филиала Архангельского общества изучения Русского Севера в Усть-Сысольске (ныне — Сыктывкаре).

В.П. Налимов и А.А. Цембер стали носителями идеи коми просвещения и научной традиций изучения культуры народа коми и в советское время передали эти идеи многочисленным исследователям в Усть-Сысольске (Сыктывкаре)². Здесь я исхожу из мнения Г.П. Мягкова, считавшего, что научная школа — это не сумма личностей и их личных достижений, а устойчивая исследовательская традиция, допускавшая вариативность мнений, суждений и разночтений в рамках одного исследовательского «проекта»³. Именно общая идея гуманитарного изучения народа коми и позволяет мне говорить о становлении национальной этнографической школы.

У истоков научного подхода к изучению традиционной культуры и языка родного народа стоял *Иван Алексеевич Куратов*, поэт, просветитель, языковед⁴. Родился в 1839 г. в с. Кибра (ныне — с. Куратово, Сысольский р-н Республики Коми) в семье священника, умер в 1875 г. в г. Верном (ныне — Алма-Ата, Республика Казахстан). Окончил Яренское

¹ *Nalimov V. Georgij Lytkin // FUF. Bd. VII. 1907.*

² О взаимоотношениях этих ученых см.: *Бурлыкни на М.И. А.С. Сидоров, К.Ф. Жаков, П.А. Сорокин: параллели судьбы // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2004. С. 41–47. (Тр. Национального музея Республики Коми. Вып. 5.)*

³ *Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. С. 6.*

⁴ *Федорова А.Н. И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества. Сыктывкар, 1975; Микушев А.К. Иван Алексеевич Куратов. Сыктывкар, 1956.*

духовное училище (1854), Вологодскую духовную семинарию (1860), затем служил учителем Усть-Сысольского духовно-приходского училища. В 1866 г. окончил школу военных аудиторов в Казани, после чего был направлен в Туркестанский край военно-судебным чиновником.

И.А. Куратов — автор 20 работ по коми языку и теоретической лингвистике (при жизни ученого было опубликовано только две), среди которых можно выделить «Зырянский язык», «Грамматику зырянского языка», «Материалы для пермского толкового словаря». Разработал оригинальную классификацию коми частей речи, самобытно истолковал строение коми предложения, дополнительно обосновал классификацию коми диалектов с опорой на чередование *л-в*. Положил начало исследованию влияния русского языка на коми, аргументировал развитие коми письменности на кириллической основе. Деятельно пропагандировал коми язык как орудие просвещения коренных жителей Коми края. Первым обосновал гипотезу родства языковых семей Северной Евразии. Лингвистические работы И.А. Куратова получили одобрительную оценку академика Ф.И. Видемана, были известны *Г.С. Лыткину*, оценены по достоинству учеными Казани.

Свод языковедческих исследований И.А. Куратова впервые был опубликован в 1939 г., тогда же началось изучение его научного наследия. Вклад И.А. Куратова в языкознание и степень его профессионализма как лингвиста современными специалистами оцениваются неоднозначно. Негативная оценка Куратова-языковеда обусловлена поверхностным подходом к его научному наследию и отрицательной реакцией на неумеренные похвалы, которыми осыпали И.А. Куратова в конце 1930-х гг. из пропагандистских соображений¹.

¹ *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов // Коми язык: энцикл. М. 1998. С. 205–206; *Он же.* И.А. Куратов-языковед. Сыктывкар, 1980; *Он же.* Над рукописями И.А. Куратова. Сыктывкар, 1985. С. 15–46, 53–58, 69–101; *Гуляев Е.С.* Комментарии к высказываниям И.А. Куратова о языке // Куратовские чтения. Т. 2. Сыктывкар, 1976. С. 87–99.

Наибольший интерес для современного исследователя имеет сопоставительный словарь коми языка И.А. Куратова, ставший доступным для ученых в 1979 г.² В словаре автор возвращается к традиции XVIII в. и проводит сравнительный анализ всех финно-угорских языков, за исключением вепсского, с татарским и санскритом, используя для этой цели одинаковый список слов. По замыслу И.А. Куратова, он должен был стать основой большого этимологического словаря коми языка. Поэтому данный незавершенный из-за ранней смерти автора словарь может быть использован для этногенетических изысканий.

Основоположником национальной научной школы изучения этнографии и истории народов коми был *Георгий (Юрий) Степанович Лыткин* (1835–1907), первый коми лингвист, историк и литератор, этнограф и фольклорист³. *А.Н. Грен* считал его «настоящим основателем зырянской искусственной литературы и первым и, кажется, последним настоящим, подготовленным филологом из зырян», подразумевая под этим написанные И.А. Куратовым художественные и научные сочинения на коми языке⁴. Начав свою научную деятельность как калмыковед, алтаист, он постепенно становится финно-угроведом, исследователем традиционной культуры народа, из среды которого вышел.

² *Гуляев Е.С.* Сопоставительный словарь коми языка (Новые публикации из архива И.А. Куратова) // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1979. Т. 3. С. 109–129.

³ *Чеусов А. Г.С.* Лыткин (К 88-й годовщине рождения) // Коми му. 1924. № 4–6. С. 42–43; *Он же.* К воспоминаниям о Г.С. Лыткине // Коми му. 1924. № 4–6; *Зоргенфрей Г. Г.С.* Лыткин (Библиографический очерк) // Коми му. 1927. № 4–5. С. 47–49; *Веселовские Ал. и Ал-др.* Вологжане-краеведы. Вологда, 1923. С. 58; *Лыткин В.И.* Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) // СФУ. 1975. № 4. С. 290–293; *Костромина И.* Медвояз коми ученый-лингвист (Г.С. Лыткин чужан лунсян 150 во) [Первый коми ученый-лингвист (к 150-летию со дня рождения). На коми языке] // Войвыв кодзув. Сыктывкар. 1985. № 6. С. 40–44; *Ванеев А.Е.* Георгий Степанович Лыткин // *Ванеев А.Е.* Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар, 2001. С. 123–145.

⁴ *Грен А.Н.* Зырянская (Коми) литература // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. III. С. 81.

Г.С. Лыткин родился 25 мая (6 июня) 1835 г. в г. Усть-Сысольске (ныне — г. Сыктывкар) в купеческой семье. Его отец, Степан Иванович Лыткин, числился усть-сысольским купцом 2-й гильдии и имел достаточное состояние. Но после его смерти семья пережила тяжелый финансовый кризис в результате раздела имущества. Первоначальное образование получил дома под руководством мамы и старшей сестры, а позднее — в местном приходном училище. В 1848 г. Г.С. Лыткин после окончания Усть-Сысольского уездного училища первым учеником отправляется учиться в Вологодскую гимназию, которую заканчивает в 1854 г. Большую роль в продолжении его учебы сыграл преподаватель русского языка местного училища **М.И. Михайлов**, краевед и историк Вологодского края, поддержавший стремление мальчика к знанию. В это же время Г.С. Лыткин знакомится с **Александрой Осиповной Ишимовой**, будущей известной русской писательницей, проживавшей в то время в Усть-Сысольске со своим отцом, отправленным сюда в ссылку. Под ее влиянием начинает писать краеведческие заметки, которые подписывал «Зырянин Г.С.Л.»¹. Его однокурником по гимназии был **Н.Ф. Бунаков**, в будущем известный педагог и общественный деятель. Позднее он в своей книге воспоминаний назвал Г.С. Лыткина зырянофилом и зырянским патриотом за его увлечение родным языком, историей и фольклором этого народа².

В гимназии Г.С. Лыткин мечтал о продолжении учебы в Александровском университете в Гельсингфорсе, хотел стать финно-угроведом. Но братья отказали ему в финансовой

¹ Лыткин Г.С. Тотма. Путевые замечания в трех письмах // Луч. Журнал для девиц, издаваемый Александрой Ишимовой. 1853. Т. 7–8. Ванев А.Е. упоминает еще несколько статей: «Сухона», «О Яренском девичьем училище», «Несколько писем о городе Усть-Сысольске, о зырянах», опубликованные в «Северной пчеле», «Лучи». Цит. по: Ванев А.Е. Г.С. Лыткин... С. 123.

² Бунаков Н.Ф. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. М., 1909. Цит. по: В дебрях Севера Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар, 1999. С. 196.

поддержке, и он отправился в столицу для дальнейшей учебы. В Москве он познакомился с известным русским историком и собирателем рукописей М.П. Погодиным, который морально поддержал стремление коми юноши к учебе. Позднее они несколько раз встречались и переписывались. В 1854 г. Г.С. Лыткин стал студентом Императорского Санкт-Петербургского университета. Определение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа гласило: «Зачислить купеческого сына Г. Лыткина на I курс юридического факультета и разряда с 1 августа с.г., с тем, чтобы он выдержал приемные испытания по математике в декабре месяце 1854 г. Г. Лыткину немедленно представить деньги за слушание лекций в текущем сезоне»³. Он был принят «в число 300 своекоштных студентов», то есть должен был платить за обучение⁴. Но юристом Лыткин не стал. В 1855 г. в Петербург из Казани был переведен факультет восточных языков. Г.С. Лыткин принимает решение перейти на этот факультет, потому что он не мог оплачивать свою учебу (в его личном деле сохранились просьбы об оказании ему материальной помощи), а на восточном факультете полагалась стипендия. Так он становится студентом монгольско-калмыцко-тюркского разряда факультета восточных языков. Имеются сведения, что одновременно он посещал лекции на историко-филологическом факультете. Уже в конце 1855 г. он, как «оказывающий хорошие успехи в монгольском языке и отличное прилежание», зачисляется в число стипендиатов Министерства народного просвещения⁵. В последующие годы он получал 300 рублей в год, что было достаточно для учебы. К примеру, учитель Главного народного училища в губернском городе получал жалование в 250 рублей. Во время учебы

³ Дело правления Императорского Санкт-Петербургского университета по предложению Господина Попечителя Университета о принятии Г. Лыткина в число студентов. Начато 1 декабря 1854 г. Кончено 15 сентября 1861 г. // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. 7438, л. 1.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 13–14.

Г.С. Лыткин совместно с товарищем по учебе А. Михайловым совершил поездку в Калмыцкие степи для совершенствования знаний в калмыцком языке¹. Собранные в ходе экспедиции материалы легли в основу его кандидатского сочинения «Исторический очерк знаменитого в буддийской иерархии ламы Зая-Пандиты, с показанием его влияния на распространение буддизма между ойротами и ученых его заслуг для калмыцкой литературы», которая была удостоена Советом университета золотой медали².

После окончания университета Г.С. Лыткин, проявивший склонности к наукам, был оставлен на восточном факультете для подготовки к профессорскому званию по калмыцкой лингвистике. Для этого он должен был продолжить сбор материалов по фольклору, истории и древней литературе калмыков. В связи с этим он в 1859 г. на два года командирован в Калмыцкие степи Астраханской и Ставропольской губерний³. В это время Г.С. Лыткин активно занимается калмыковедением, в изучении которого он достиг значительных успехов⁴. Он пишет оригинальные статьи по калмыцкой литературе, публикует

тексты калмыцких исторических сочинений, переводит их с калмыцкого и монгольского языков на русский⁵. Готовит магистерскую диссертацию. По предложению своего учителя, профессора А.В. Попова, он должен быть стать преподавателем, лектором калмыцкого языка на Восточном факультете. Вместо этого в 1865 г. «согласно наведенным справкам в делах канцелярии Попечителя С.-Петербур. университета, кандидат Г. Лыткин определен штатным преподавателем географии 6-й Ларинской гимназии с 1 августа 1865 г.»⁶.

Позднее в письме академику И. Срезневскому Г.С. Лыткин написал: «Вообще я человек неудавшийся. Тогдашние реформы (1861) по учебной части вызвали сильное желание поработать на родине, где обещал... тогдашний министр народного просвещения устроить для меня особую инспекцию. Я ждал, наступила реакция — дело заглохло; 3 года в ожидании чего-либо благоприятного для дела пробыл в звании кандидата-педагога, потом (1865–1869) — сверхштатным учителем истории и географии»⁷. Действительно, в его личном деле имеется обращение декана факультета восточных языков от 18 декабря 1861 г. в Совет университета «об исходатайствовании Г. Лыткину места штатного смотрителя Усть-Сысольских училищ, что было бы полезно для образования тамошнего края, заселенного зырянами, так как Г. Лыткин сам происходит из зырян и получил университетское образование». На нем отмечено: принято решение «просить Попечителя С.-Петербургского учебного округа об опреде-

¹ Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова в Калмыцкие степи для приготовления себя согласно предписания Министерства народного просвещения // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 1, д. 5843. 3 февраля 1858 г. — 1 августа 1865 г. 51 лист.

² Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля. СПб., 1859. Приложение. С. 184.

³ Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова... Л. 15 и далее; Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о командировке кандидата Г. Лыткина в калмыцкие стойбища. 1883 год // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 1, д. 8409.

⁴ Характеристику его как востоковеда см.: Бадмаев А.В. Г.С. Лыткин как калмыковед // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ при Совете Министров Калмыцкой АССР. Элиста, 1967. Вып. 5 (Сер. филологическая). С. 115–124; История калмыцкой литературы. Элиста, 1981. Т. 1. С. 55.

⁵ Лыткин Г.С. Исторический очерк письменности монголов и ойратов. Астрахань, 1859; То же. Астраханские ГВ. 1859. № 32, 33; Он же. Материалы для истории ойратов. Астрахань. 1860; То же. Астраханские ГВ. 1860. № 45, 46; 1861. №. 7, 8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26, 27, 28, 29; Сказание о Дербен-Ойратах, составленное нойном Батур Убуша-Тюменем. Перевод и предисловие Юрия Лыткина. Астрахань, 1860.

⁶ Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова... Л. 51.

⁷ Г.С. Лыткин — И.С. Срезневскому // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 216, оп. 5, ед. хр. 367.

лении Г. Лыткина на должность штатного смотрителя Усть-Сысольских училищ»¹. Но положительного решения этот вопрос не имел.

Следует сказать еще об одной причине отказа — общественно-политического характера. Как утверждает известный в дореволюционной России общественный деятель, публицист Лонгин Федорович Пантелеев, «из Астраханской губернии Г. Лыткин вернулся совершенно охладевшим к наукам, с сильно увлекшимся демократическим движением, горячим сторонником Чернышевского»². Он также пишет о том, что Г.С. Лыткин был членом общества «Земля и воля» и в его квартире некоторое время размещалась подпольная типография. Именно этот факт послужил, по видимому, причиной того, что ему было отказано в занятии чиновничьего поста на родине. Г.С. Лыткин пишет И. Срезневскому, что он, «находясь в расстроенном состоянии, предал огню свои дневниковые записки и другие под руку попавшие материалы, было ли это сделано с участием сознания разорвать связи с монголизмом и ойратизмом или с другой целью, не знал и не знаю»³.

В августе 1862 г. Г.С. Лыткин попал в распоряжение Министерства народного просвещения. Сначала его перевели в штат кандидатов-педагогов Санкт-Петербургского учебного округа и направили на подготовительные курсы. Позднее основным местом его работы становится VI Санкт-Петербургская классическая гимназия, в которой в качестве штатного преподавателя он числится с 8 августа 1869 г. Дослужившись до чина статского советника и выслужив установленные 40 лет службы, он продолжал преподавать. Но согласно принятым в то время правилам директор гимназии неоднократно обращался к попечите-

лю Санкт-Петербургского учебного округа с просьбой разрешить Г.С. Лыткину продолжить работу. В частности, директор гимназии Мор в письме от 2 мая 1902 г. на имя попечителя писал: «Штатный преподаватель истории и географии вверенной мне гимназии статский советник Г. Лыткин, выслужив 1 августа с.г. 2-летний срок, на который он был оставлен по истечению 40 лет его службы, обратился ко мне с просьбой оставить его на таковой еще на 3 года. Свидетельствую перед Вашим Превосходительством об отличном усердии, ревности и полезности службы преподавателя Лыткина, а также о том, что он еще действительно в силах и впредь продолжит успешно свою педагогическую деятельность. Я считаю своим долгом исходить почтительно перед Вашим Превосходительством об оставлении его в настоящей должности вновь на 3 года»⁴. Директор отмечает, что Г.С. Лыткин к 14 октября 1902 г, когда писалось обращение, «прослужил по учебной части 42 года, 2 месяца и 14 дней».

Кроме того, в разное время Г.С. Лыткин состоял преподавателем IV Санкт-Петербургской гимназии, гимназии Ставиской, Константиновского военного училища, Первой военной гимназии.

Г.С. Лыткин был автором гимназического учебника по общей географии, рекомендованной Министерством народного просвещения в качестве основного учебного пособия и выдержавшего 3 издания в 1890–1894 гг.⁵

⁴ Переписка VI С.-Петерб. гимназии за 1902 год с Попечителем учебного округа // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139, оп. 1, ед. хр. 9410, л. 35.

⁵ Учебник общей географии / Сост. Г.С. Лыткин, преподаватель Санкт-Петербургской шестой гимназии. СПб., 1880; То же. 2-е изд., исправленное и доп. черт. СПб., 1894–1898; То же. 3-е изд., испр. и доп. чер. СПб., 1899; Географические таблицы / Сост. Г.С. Лыткин. Вып. 3: Обзорение европейских государств. СПб., 1874; Вып. 4: Обзорение Российской империи. СПб., 1878; Г.С. Лыткин. Учебник общей географии с таблицами. Курс I-го класса. Сведения из математической, физической и политической географии. СПб., 1888; Он же. Учебник общей географии с таблицами. Курс II-го

¹ Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова... Л. 49 об.

² Пантелеев Л.Ф. Памяти Н.Г. Чернышевского // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 195.

³ Г.С. Лыткин — И.С. Срезневскому // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 216, оп. 5, ед. хр. 367.

Удачно сложилась и личная жизнь Г.С. Лыткина. Он был женат, имел двух дочерей. В 1900 г. усыновил «18-летнего незаконнорожденного воспитанника его Сергея»¹. Директор поддержал обращение Г.С. Лыткина к Государю Императору с просьбой разрешить усыновить его, сообщая, что «служебная деятельность штатного преподавателя Ларинской гимназии статского советника Г. Лыткина, так же, как и его нравственные качества, представляют, по моему мнению, вполне достаточное основание к ходатайству об оказании ему монаршей милости по семейному его делу». Позднейшие данные свидетельствуют, что его приемный сын, С.Г. Лыткин, был сотрудником Крестьянского поземельного банка (в частности в 1914 г. был помощником бухгалтера 1 разряда)².

К сбору материалов по этнографии и фольклору коми Г.С. Лыткин начал проявлять интерес в студенческие годы. Во время каникул в 1856 г. он приехал на родину, где занялся сбором подобных материалов. Позднее он писал, что большая часть этих материалов была утеряна в 1856 г. В его личном деле сохранились прошения об оказании ему материальной помощи, так как при возвращении с каникул он был ограблен в Нижнем Новгороде, что подтверждается наличием справки от тамошней полиции³. И. Костромина отмечает, что часть своего лексикографического материала он передал **Н.П. Попову**, который в это время занимался разработкой второго варианта своего русско-зырянского словаря⁴.

класса. Африка, Австралия, Азия и Америка. СПб., 1890; *Он же*. Учебник общей географии с таблицами. Курс III-го класса. Европа. СПб., 1890.

¹ Переписка VI С.-Петербург. гимназии за 1900 год с Попечителем учебного округа // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139, оп. 1, ед. хр. 8898, л. 84 и др.

² Весь Петербург. 1914. Столб. 223; С. 396.

³ Дело правления Императорского Санкт-Петербургского университета по предложению Господина Попечителя Университета о принятии Г. Лыткина в число студентов... Л. 19–25.

⁴ *Костромина И.* Медводзя коми ученёй-лингвист... С. 42.

Серьезно решением этих проблем Г.С. Лыткин начинает заниматься в начале 1880-х гг. Это связано с тем, что в 1883 г. Русская православная церковь отмечала 500-летие начала миссионерской деятельности **Стефана Пермского** в землях предков современных коми — Перми Вычегодской, возведенного в 1383 г. в сан епископа Пермского. Именно в этом году опубликован его концептуальный историко-этнографический очерк «Пятисотлетие Зырянского края», некоторые идеи которого оказали существенное влияние на будущих историков Коми края⁵. На основе большого числа исторических документов Г.С. Лыткин воссоздал картину просветительской деятельности Стефана как представителя церкви. Таким образом, Г.С. Лыткин в своем очерке связал воедино историю Коми края и Московской Руси. Это основа его исторической концепции — история Коми края есть часть истории Московской Руси, ибо Стефан заложил основы владычества Московского государства. Именно он блестяще совершил мирное присоединение Зырянского края к Москве, разрешив таким образом длительный спор между Москвой и Великим Новгородом. Наиболее полно эта концепция изложена в другой работе — «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык»⁶. Итак, исторические работы Г.С. Лыткина имеют большое значение для выявления определенных этапов этнической истории народов коми. Сам исследователь в 1888 г. за свои труды по «зырянскому языку и зырянской истории» был избран членом-корреспондентом Финно-угорского общества в Гельсингфорсе⁷. Ранее, в 1870 г. он стал действительным членом Русского географического общества⁸.

К книге «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык». Г.С. Лыткин

⁵ *Лыткин Г.С.* Пятисотлетие Зырянского края // ЖМНП. 1883. № 12. С. 275–326.

⁶ *Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 4, 6, 9 и т. д.

⁷ Société Finno-Ougrienne. 1903 // JSFOu. Bd. XXI. 1904. S. 3.

⁸ Действия ИРГО за 1870 год. СПб., 1871. С. 46.

приложил «Объяснение к этнографической карте», в которой дал ряд обобщающих характеристик коми-зырян, часто в сравнении с коми-пермяками и вотяками (удмуртами). В этой книге опубликовано и несколько фольклорных текстов. Частично они были записаны самим автором, частично извлечены из книг **П.И. Савваитова** и **Н. Рогова**.

Для исследователей традиционной культуры народов коми представляют интерес его лингвистические работы. В первую очередь следует отметить «Русско-зырянский словарь», изданный, к сожалению уже после смерти автора¹. Он был подготовлен на основе первого варианта рукописного словаря **Н.П. Попова**. Этот словарь содержит большое количество этнолингвистического материала, в том числе и вышедших из употребления терминов². Это особенно актуально в настоящее время, когда ученые Республики Коми пытаются воссоздать т.н. *ва-коми* язык, чистый коми язык, и в современную языковую практику возвращаются многие слова, уже вышедшие из разговорной практики. Но Г.С. Лыткин существенно изменил словарь Н.П. Попов. По этому поводу он писал академику К.Г. Залеману: «Я многое выпустил, многое изменил, кое-что внес свое; одним словом трудно сказать: словарь ли это Попова, или мой, составленный по Попову»³.

Важная заслуга Г.С. Лыткина заключается в том, что он впервые грамотно описал фонетическую систему языка коми, расшифровал памятники древнепермской (древнекоми) письменности, составил первые и до сих пор единственные сравнительные словари коми, удмуртского и мордовского языков⁴. По мне-

нию В.И. Лыткина, одного из коми лингвистов, «Г.С. Лыткин, вне всякого сомнения, является отцом коми языковедческой науки»⁵. Кроме того, он впервые составил грамматику коми языка на родном наречии. Причем грамматическая терминология, предложенная им, используется до настоящего времени. По мнению Г.Г. Бараксанова, Г.С. Лыткин наиболее полно и последовательно использовал для коми языка т.н. фонологический (фонематический) принцип письма. (И это неудивительно — он имел специальную лингвистическую подготовку.) Для обозначения 33 фонем коми языка использовал буквы на основе кириллицы с общепринятыми в лингвистической науке знаками для обозначения мягкости⁶. В принципе эти диакритические знаки для коми языка были предложены еще **А.И. Шегреном** и стали активно использоваться Г.С. Лыткиным. Именно с этим был не согласен **П.И. Савваитов**, который для обозначения мягкости согласных употреблял знак *j*, уже используемый в письменном языке для обозначения фонемы *й*, что создавало дополнительные сложности как при письме, так и при чтении.

Г.С. Лыткин активно занимался переводом на коми язык различных текстов. Понимая, что употребление коми языка на родине было крайне ограничено, он попытался ввести этот язык в сферу богослужебной практики. Г.С. Лыткин писал: «В детстве я любил посещать богослужение, совершаемое обыкновенно на славянском языке, и горько, горько плакал, что по незнанию языка, не понимаю того, что так складно поется и читается в церкви»⁷. Это детское воспоминание послужило поводом для начала его переводческой деятельности церковной литературы. Из опу-

¹ Лыткин Г.С. Русско-зырянский словарь. Л., 1931. Рецензию на этот словарь У.Т. Утилы см.: Uotila U.T. G.S. Lytkin. Русско-зырянский словарь // FUF. Bd. XXII. 1934. S. 13–15.

² Костромин И. О словарях Г.С. Лыткина // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. (Труды ИЯЛИ. Вып. 31). Сыктывкар, 1984. С. 114–129.

³ Письмо Лыткина Г.С. — К.Г. Залеману // С-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 87, оп. 3, ед. хр. 23.

⁴ Лыткин Г.С. К вопросу о зырянском языке и зы-

рянской грамоте // ЖМНП. 1884. № 12. С. 91–108; То же. СПб., 1884; Туркин А.И. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович // Коми язык: энцикл. С. 243–246.

⁵ Лыткин В.И. Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) // СФУ. 1975. № 4. С. 293.

⁶ Бараксанов Г.Г. Коми литературный язык XIX — начала XX в. // Rédei-Festschrift. Festschrift für Károli Rédei zum 60. Geburtstag. Wien — Budapest, 1992. S. 43–48.

⁷ Лыткин Г.С. Зырянский край ... С. 16.

бликованных им переводов следует выделить «Божественную литургию Св. Иоанна Златоуста», «Святое Евангелия от Матвея, Луки и Иоанна», «Псалтырь», «Деяния Св. Апостолов», а также ряд важных молитв¹. Причем он издавал свои переводы одновременно на русском и коми-зырянском языках². Ученый выполнил и первый перевод на коми язык Жития Стефана Пермского. Работа Г.С. Лыткина была отмечена высшими государственными и церковными органами. Он был приглашен в Москву на торжественное богослужение, посвященное 500-летию принятия коми христианства как представитель «зырянского народа», состоявшееся в церкви Спас-на-Бору в Московском Кремле, где был похоронен свт. Стефан Пермский. 200 экземпляров его перевода «Божественной литургии» императрица Мария Федоровна повелела разослать «в зырянские народные училища в ознаменование 500-летия утверждения учения Христа в зырянском крае».

Для книги «Зырянский край...», которую Г.С. Лыткин считал пособием по изучению русского языка для зырян, он выполнил ряд переводов из «Родного слова» Н.С. Ушинского, в частности включенные в эту книгу русские народные сказки и пословицы. Г.С. Лыткин, в отличие от своих земляков-просветителей, разработал программу по организации школы, ведущей обучение на коми языке. Он писал: «Книгою под заглавием “Зырянский край и зырянский язык” нужно пользоваться в следующем порядке. Дети

должны быть обучены сначала чтению и письму зырянской азбуки, затем зырянских числительных имен; далее чтению произведений народного творчества зырян без перевода их на русский язык. Когда дети достаточно освоятся с зырянской грамотою, необходимо перейти сначала к изучению русской гражданской азбуки, затем русских числительных имен, далее чтению русского перевода произведений творчества зырян. Только после этого изучается та часть, которая озаглавлена “Переводы с русского языка на зырянский”»³.

В предисловии он отмечал, что книга предназначалась «для зырянских народных школ как пособие при изучении зырянами русского языка». Далее Г.С. Лыткин писал: «И в Вологодской гимназии, и в С.-Петербургском университете при изучении восточных языков не покидала меня мысль — быть когда-либо полезным подрастающему поколению зырян переводами книг религиозного содержания на зырянский язык и составлением такой книги, которая дала бы им возможность изучить русский язык, употребляемый и в церкви, и в науке, и в суде. Эту мысль я мог привести в исполнение только в последние 6–7 лет, в свободные от уроков часы, по вечерам, праздникам и в каникулы»⁴.

На полифункциональность книги указал С.А. Югов, рассматривавший историю становления детской литературы на коми языке, отмечая в первую очередь в ней христианские сюжеты⁵.

Г.С. Лыткин хотел, чтобы на родине его книга стала настоящим учебным пособием, но этому не суждено было сбыться, несмотря на положительные отзывы, полученные из Казани от **П.Д. Шестакова**, **Н.И. Ильминского** и др. Министерство народного просвещения не решилось рекомендовать ее в качестве учебника. Лишь в 1896 г., в год празднования

¹ Докладная записка Г.С. Лыткин о составлении книг на зырянском языке // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139, оп. 1, ед. хр. 9908.

² Лыткин Г.С. Міжан Господ'лөн Ісус Крістослөн Вежа Бурјор Матвејс'ан'. Коми кыл вылӧ выл'ыс' пуктыс Г.С. Лыткин. Питір. [Нашего господа Иисуса Христа Евангелие от Матвея. На коми язык вновь перевел Г.С. Лыткин] СПб., 1882; *Он же*. Божественная литургия святого Иоанна Златоуста на славянском и зырянском языках. СПб., 1883; *Он же*. Евангелие от Матвея, Марка, Луки и Иоанна на русском и зырянском языках. СПб., 1885; *Он же*. Деяния святых апостолов на русском и зырянских языках. СПб., 1885; *Он же*. Псалтырь на русском и зырянском языках. СПб., 1885.

³ Лыткин Г.С. Зырянский край ... Предисловие. С. IV.

⁴ Там же. С. II.

⁵ Югов А.С. Христианские истоки коми детской литературы // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996. С. 61.

500-летияuspения св. *Стефана Пермского*, по решению великой княгини Александры Иосифовны 250 экземпляров книги было разослано по школам Коми края. В 1903 г. министерство предприняло новую попытку использовать книгу Г.С. Лыткина как учебное пособие, для чего она необходимо было получить отзыв. Учитель Усть-Сысольского приходского училища *А.А. Цембер*, в будущем известный коми краевед, дал отрицательный отзыв на книгу, в первую очередь на его переводы, заявив, что они выполнены на древнекоми языке, который малопонятен современным коми-зырянам. Здесь трудно согласиться с А.А. Цембером, потому что и тогда, и в наше время сложно пользоваться фактически «мертвым» языком для составления связного текста. Но решение не было принято, наоборот, оно было переадресовано попечителям Санкт-Петербургского и Казанского ученых округов, в юрисдикцию которых выходили школы, находящиеся на территории обитания коми-зырян и коми-пермяков¹.

Понятие «древнекоми» язык, которое использовал А.А. Цембер как отрицательное, в действительности являлось попыткой Г.С. Лыткина отказаться от использования русских заимствований при переводах и заняться словотворчеством с использованием исконных коми слов для создания аналогов библейской терминологии. Как отмечает современный коми лингвист Е.А. Цыпанов, здесь имеется тенденция «к изменению синтаксического построения переводного текста в сторону обретения исконных, разговорных, фольклорных структур, приближаясь к нормам разговорного коми языка. ...При этом переводчики просто копировали при переводе строение сложных предложений исходного текста»². Именно эту пуристическую тенденцию, то есть стремление Г.С. Лыткина вернуть чистоту и древние грамматические и лексикографические формы, не

поняли его «конкурент» и рецензент. Как переводчик и лингвист Г.С. Лыткин опередил свое время, ибо подобное стремление к *ва-коми*, то есть чистому коми языку, как и в других финно-угорских языках в России, в настоящее время особенно актуально и обсуждаемо³.

Педагогические воззрения Г.С. Лыткина близки идеям и практике выдающегося русского педагога и ученого, члена-корреспондента Императорской Академии наук, крупнейшего специалиста по восточным языкам Н.И. Ильминского⁴. И это не удивительно: они были знакомы⁵.

Интересную рецензию под названием «Горе побежденным» дал на сочинение Г.С. Лыткина А.С. Суворин, владелец и редактор небезызвестного «Нового времени». Она не утратила своего значения и в наши дни. В ней автор пишет, что коми слова имеют древнюю традицию и чаще всего означают

³ Цыпанов Е.А. О компьютерном фонде «Вьль коми кыввор» (Новая коми лексика) // LU. 2004. № 2. P. 129–134.

⁴ Тулуз Ева. Николай Иванович Ильминский и финно-угорские народы // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 129–138. О педагогической системе Н.И. Ильминского см.: *Ильминский Н.И.* Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык. Казань; *Он же.* Школа для первоначального обучения детей крещенных татар в Казани // ЖМНП. 1867. Ч. СXXXIV. С. 293–328; *Рождествен А.С.* Н.И. Ильминский и его система инородческого образования в казанском крае. Казань, 1900; *Зеленин Д.К.* Н.И. Ильминский и просвещение инородцев // Русская школа. 1901. № 12. С. 175–194; *Миропиев М.* Русско-инородческие школы системы И.Н. Ильминского // ЖМНП. 1908. № 1. С. 183–210; *Знаменский П.* На память о Николае Ивановиче Ильминском. Казань, 1892; *Исхаков Р.Р.* Просветительско-миссионерская концепция Н.И. Ильминского в образовательной системе пореформенной Казани // Образование и просвещение в губернской Казани. Казань, 2009. С. 126–138.

⁵ Из их переписки видно, что Н.И. Ильминский всячески поддерживал научно-литературное творчество Г.С. Лыткина и помогал ему, выступая в качестве посредника с К.П. Победоносцевым. Последний читал книгу «Зырянский край ...» еще в корректурных листах и предлагал автору смягчить некоторые наиболее жесткие выражения. Об этом см.: *Обрезкова А.* Из переписки Г.С. Лыткина с Н.И. Ильминским // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 139–145.

¹ Коровина И.Н. «...Истинно зырянская энциклопедия» // Арт-Лад. Сыктывкар, 2004. № 4. С. 186–187.

² Цыпанов Е.А. Способы передачи русских придаточных предложений времени в коми переводах Евангелия от Матвея // LU. 2004. № 3. P. 195.

как физическое, так и моральное истребление покоренных народов, стремление к уничтожению памятников их прошлой исторической жизни. Отмечая, что русские не истребляют покорившиеся им народы, но в то же время и не заботятся о сохранении памяти прошлого, ассимилируют коми, через несколько поколений изменяющихся в русских, и с пренебрежением отворачиваются от того, что может напомнить о происхождении народа, былой религии, нравов, обычаев, истории и языка. Далее он отмечает, что до настоящего времени никто серьезно не задавался вопросом о происхождении финнов и всех их разнообразных ветвей, раскинувшихся от Балтийского моря в глубь Азии. Поэтому А.С. Суворин приветствует появление книги Г.С. Лыткина, в которой последний ставит ряд важных научных вопросов. Однако, по мнению рецензента, зырянский исследователь повторяет ошибку своих предшественников, начиная историю коми народа с момента его христианизации и сосредотачиваясь лишь на биографии *Стефана Пермского* и его преемников, забывая собственно о народе, его прошлом и особенностях, который, возможно, существовал задолго до начала государства Российского. Отсюда главный вывод Суворина: *«г-н Лыткин по случаю 500-летия пермской кафедры мог дать более обстоятельную работу, полнее восстановить былую картину Северной России в его настоящем виде»*¹.

Деятельность Г.С. Лыткина не была спокойной. Ему постоянно приходилось доказывать свою правоту. Основным противником Г.С. Лыткина был *П.И. Савваитов*, который оспаривал созданную первым фонетическую систему для коми языка, которая до настоящего времени считается лучшей². Основная причина разногласий исследователей — использование разных форм правописания коми языка. П.И. Савваитов настаивал на собствен-

ном алфавите, а Г.С. Лыткин предлагал использовать при переводах т.н. «шегреновско-академический» вариант. П.И. Савваитов в борьбе со своим «конкурентом» использовал все методы борьбы, вплоть до «непарламентских», включая доносы и обращения на имя обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Например, в письме на его имя, датированном 1881 г., П.И. Савваитов возражал против принятого директором Хозяйственного управления Синода Ильминским решения об издании «Литургии Иоанна Златоуста» по определению великой княгини Александры Иосифовны³. П.И. Савваитов предложил сделать совместный перевод текста, а в основу издания положить его азбуку (шрифт). Далее он замечает, что Г.С. Лыткин настроен против его предложений и настаивает на своем варианте. Так как на тот момент решение было принято, то П.И. Савваитов обращается к обер-прокурору как к последней инстанции в этом споре, предоставив на рассмотрение исправленный текст рукописи Г.С. Лыткина и свой вариант⁴. Текст литургии был издан в переводе Г.С. Лыткина. Но в рукописях остались не получившие разрешения к печати «Акафистъ и служба св. Стефану Пермскому», «Начатки христианского православного учения», «Жизнеописание святых Кирилла и Мефодия», «Последование вечерни», «Последование утрени», «Чин поминовения усопших», «Воскресный апостол», «Воскресное Евангелие», «Часослов».

Н.В. Никольский, в отличие от П.И. Савваитова, отмечает, что *«в переводах Г.С. Лыткин стремится дать точное соответствие подлиннику, народному языку и, по возможности, избегать слов и выражений, противоре-*

³ Великая княгиня Александра Иосифовна (1830–1911), урожденная принцесса Фредерика Генриетта Паулина Марианна Елизавета Саксен-Альтенбургская, с 1848 г. была замужем за великим князем Константином Николаевичем, сыном императора Николая I.

⁴ Писарская копия письма П.И. Савваитова на имя Обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцеву от 26 августа 1881 г. // Рукописный отдел РНБ. F XVII–70, л. 10 — 10 об.

¹ Суворин А.С. Горе побежденным // Новое время. 1889.

² Лыткин В.И. Коми язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969. С. 308.

чащих достоинству содержания. К числу недочетов надо отнести слишком строгий буквализм»¹. Отзыв аналогичной направленности был написан П.И. Савваитовым и на рукопись книги «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык». На заседании Ученого комитета Министерства народного просвещения П.И. Савваитов задал вопрос, «каким правописанием издать книгу, так как алфавит Лыткина не русский и не коми, зачем он вводит новый мягкий знак и т.д.» Затем риторически возглашает, зачем учить людей читать по-новому, если есть уже его грамматика². П.И. Савваитову удалось задержать издание книги, которая в итоге была напечатана в 1884 г. в академической типографии т.н. «шегреневской» азбукой.

Прежде чем закончить очерк об этом замечательном человеке, хотелось бы остановиться на его литературном творчестве. Г.С. Лыткин стоял у истоков коми литературы. Современные историки коми литературы не придают значения тому факту, что первые публикации стихотворных текстов на коми языке принадлежат именно ему. Этому есть политическое объяснение: стихотворения Г.С. Лыткина были приурочены к смерти императора Николая Павловича и воцарению наследника Александра и носили ярко выраженный верноподданнический характер³. Именно по этой причине первой публикацией на коми языке считаются стихи **И.А. Куратова**, коми поэта и просветителя, опубликованные в Вологде в 1866 г.⁴ К сожалению, тексты осталь-

ных поэтических произведений Г.С. Лыткина считаются утерянными. Кроме того, П.Д. Драганов упоминает о сделанных Г.С. Лыткиным около 1856 г. переводах стихотворений А.С. Пушкина на коми-зырянский язык, но эти тексты нам неизвестны⁵.

Научная деятельность Г.С. Лыткина удостоилась высокой оценки на родине его в 1920-е годы, в период «национального романтизма». Но вскоре все изменилось. Творчество Г.С. Лыткина начинает восприниматься отрицательно. В качестве резко негативной характеристики его творчества можно привести мнение **В.М. Подорова**: «Лыткин является крупным представителем русского великодержавного национализма, борцом за великодержавный русский язык. В лице Лыткина царское правительство встретило в Коми вполне преданного для него человека, прошедшего высшую школу, который не хуже Министерства народного просвещения и царской полиции внедрял в быт коми русский язык, рассматривая коми язык как подсобный для изучения русского языка»⁶. Фактически Г.С. Лыткину в упрек была поставлена разработанная им национальная образовательная программа, которую он не смог претворить в жизнь. Подобным образом оценивали его научное наследие вплоть до конца 1960-х годов. Например, Я.Н. Безносиков, автор единственной до настоящего времени монографии, посвященной исследованию развития культуры в Коми АССР, повторил, «что он служил делу официальных самодержавных властей и реакционного духовенства. Его деятельность по переводу Евангелия и других церковных книг была замечена и одобрена кругами придворной знати и верхами духовных ведомств. Его покровителем стал известный мракобес обер-прокурор Синода Победоносцев»⁷.

Кто автор статьи «Зырянские песни» // Куратовские чтения. Сыктывкар. 1973. Т. 1. С. 106–112.

⁵ Цит. по: Ванев А.Е. Коми-зырянское просветительство. С. 130–131.

⁶ Подоров В.М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар, 1933. Т. 2. С. 72.

⁷ Безносиков Я.Н. Культурная революция в Коми АССР... С. 48–49.

¹ Никольский Н.В. К истории зырянского языка // ИОАИЭ. 1916. Т. XXVIII. Вып. 6. С. 516.

² Цит. по: Костромин И.Н. «...Истинно зырянская энциклопедия»... С. 181–182.

³ Лыткин Г.С. Коми бѣрданкыв Николай Мудрой кулом выло (Зырянское слово на кончину Николая Мудрого). [Стихотворение]. Параллельный текст на русском и зырянском языках. СПб., 1855; Он же. Коми кыв вор Александр Николаевич царство пуксьом выло (Зырянское слово на восшествие на престол Александра Николаевича). [Стихотворение]. Параллельный текст на русском и зырянском языках. СПб., 1855.

⁴ К. Зырянские песни. // ВГВ. 1866. № 2.3. О дискуссии вокруг этой публикации см.: Чисталева Т.А.

В настоящее время его имя вписано в анналы истории родной коми культуры. В 1996 г. факсимильным способом была переиздана главная книга его жизни — «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык», первое издание которой давно стало библиографической редкостью.

Завершая повествование о деятельности Г.С. Лыткина, хотелось бы отметить тот факт, что его архив не сохранился, поэтому сложно судить о его знакомых. Некоторые из коллег были обозначены в очерке. В этой связи следует упомянуть русского классика — Л.Н. Толстого, — в библиотеке которого были обнаружены книга Г.С. Лыткина «Зырянский край и зырянский язык...» и его учебники по географии с надписью «Графу Льву Николаевичу Толстому от душевно почитающего Зырянина на память»¹.

Один из крупнейших представителей коми национальной культуры конца XIX — начала XX в. — **Каллистрат Фалалеевич Жаков** (1866–1826), ученый-энциклопедист, педагог, писатель, человек удивительной и трагической судьбы. Сыктывкарский исследователь, доктор исторических наук И.Л. Жеребцов назвал его «зырянским Фаустом»². Его научные заслуги и общественное значение долгие годы замалчивались, в начале 1930-х гг. он был объявлен «буржуазным националистом». Но в настоящее время многогранная деятельность К.Ф. Жакова все чаще привлекает внимание ученых³. Нас в первую

очередь интересуют его этнографические работы.

К.Ф. Жаков родился 18 сентября 1866 г. в д. Давпон под Усть-Сысольском, (ныне — это район г. Сыктывкара) в крестьянской семье. Его отец был талантливым резчиком по дереву, довольно известным в Коми крае. Его руками было украшено множество местных храмов. Имя мальчику придумал местный священник: «*Чем мудренее святое имя, тем мудрее будет человек*», — заявил он и, как мы можем теперь судить, не ошибся. Родители Жакова заметили стремление мальчика к знаниям и решили его выучить. В конце жизни К.Ф. Жаков писал Э. Гросвальду, одному из своих учеников: «*Друг мой! Я происхожу из мифологической среды одаренных зырян*»⁴.

В 1877–1878 гг. К.Ф. Жаков учился в Вильгортском начальном училище, в 1878–1881 гг. — в Усть-Сысольском уездном училище. Там впервые проявились его способности в науках. Например, он самостоятельно (по самоучителю) изучил английский язык. В 1881 г. он отправляется в г. Тотьму Вологодской губернии и поступает в учительскую семинарию, куда брали наиболее подготовленных к обучению юношей из зырян (коми). Именно здесь он начинает самостоятельно знакомиться с научной литературой. Под воздействием книг Ч. Дарвина он становится материалистом, критически относящимся к божественному объяснению происхождения мира. «*Убедился я, что мысль — химическое соединение в мозгу, что человек — обезьян, что великого Бога нет на небе*», — с иронией вспоминал позднее о том времени К.Ф. Жаков⁵. В это время К.Ф. Жаков знакомится с находящимися в Тотьме политическими ссыльными, что не приветствовалось местной властью. В результате, получив награду за успехи в учебе, он был признан губернатором неблагонадежным и лишен права преподавания в школе «*как атеист, не признающий*

¹ Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографич. описание. I. Книги на русском языке. А–Л. М., 1972. С. 434–435.

² Жеребцов И.Л. Зырянский Фауст в поисках Бога // Арт-Лад. Сыктывкар, 1997. С. 244–250. Хотя впервые этот термин в отношении данного ученого применил Сергей Белоконов, опубликовав в журнале «Даугава» в 1988 г. одноименную статью.

³ Канев С.Н. Каллистрат Жаков: жизнь и судьба. Сыктывкар, 1990; Демин В.Н., Микушев А.К., Лисовская Г.К. Кузнецова Т.Л. Творчество К.Ф. Жакова // Научные доклады Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар, 1991. Вып. 269; Туркин А.И. Писатель, ученый, просветитель // Парма. М., 1991. № 4. С. 31–41; Он же. Жаков К.Ф. // Коми язык: энцикл. М., 1998. С. 124–126.

⁴ Цит. по: Белоконов. С.И. Зырянский Фауст // Даугава. 1988. № 5. С. 113.

⁵ Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1906. С. 95.

бога». Одновременно он был включен в число лиц, которым воспрещалось заниматься преподавательской деятельностью во всех учебных округах империи.

В 1884 г. он отправился в Вятскую губернию, где стал чернорабочим на Холуницком железоделательном заводе, надеясь со временем овладеть какой-нибудь рабочей специальностью. К.Ф. Жаков среди рабочих пользовался уважением как за физическую силу («двухпудовой гирей играл, как мячиком»), так и за знания (по выходным занимался с товарищами математикой)¹. Но со временем К.Ф. Жаков понял, что это не его призвание и вернулся на родину. Позже некоторое время работал волостным писарем в с. Корткерос Усть-Сысольского у. Однако Вятка продолжала интересоваться его, и позднее он неоднократно бывал в этом городе уже в ранге признанного ученого и общественного деятеля².

К.Ф. Жаков в 1887 г. приехал в Вологду, губернский центр, надеясь продолжить образование. Здесь в 1888 г. он поступил в 5-й класс местного реального училища Вознесенского, зарабатывая средства на жизнь репетиторством в местных состоятельных семьях. Во время учебы К.Ф. Жаков вновь с огромным интересом изучал философию, в особенности труды И. Канта. Былой материализм исчез без следа. Потрясенный словами И. Канта о непознаваемости сути вещей, он в 7-м классе решил покончить с собой, отравился и чудом выжил. После этого К.Ф. Жаков ушел из училища, но в 1891 г. вернулся в Вологду, чтобы сдать экзамены экстерном.

Желая получить высшее образование, в августе 1891 г. К.Ф. Жаков прибыл в Петербург, где поступил в Лесной институт, намереваясь стать лесничим и связать свою судьбу с зырянским лесом. В Петербурге он познако-

мился со своим земляком, известным педагогом и ученым *Г.С. Лыткиным*. В это время у К.Ф. Жакова возродился былой интерес к Священному Писанию, к православной вере. «Мне захотелось стать священником», — вспоминал К.Ф. Жаков много лет спустя³. Он вновь оставил учебу, не закончив I курса, уехал в провинцию, в родную Вологодчину. Вообще, этот период в жизни Жакова характеризуется постоянным поиском своего «Я», метаниями от позитивизма к мистике, от рациональной философии к религии.

В конце декабря 1891 г. К.Ф. Жаков снова приехал в Вологду. По совету епископа Иллариона он становится послушником Заозерской пустыни, где ведет праведную жизнь: читает церковно-служебные книги, посещает богослужения и т.д. Но свойственный ему рационализм вновь берет верх. Через несколько месяцев он стал преподавать в монастырской школе арифметику. К.Ф. Жаков, увлекшись, рассказывал об астрономии, физике, о солнце и планетах, о происхождении человека. «Есть ученые, которые говорят, что Адама не было и Евы и что люди произошли от обезьяны» (имеется в виду учение Дарвина. — *А.Т.*)⁴. Слухи об этих «еретических» речах быстро распространились по монастырю. К К.Ф. Жакову стали относиться с подозрением, и он решил отказаться от мысли стать монахом и вернулся в Вологду. Здесь с мая 1892 г. до весны 1895 г. он находился под гласным надзором полиции, без права выезда из города. В это время К.Ф. Жаков активно занимался самообразованием, по лекциям друзей-студентов освоил университетский курс математики, изучал астрономию, древнегреческий и латинский языки.

Несмотря на чинимые местным начальством препятствия, он в 1895 г. сдает экзамены за курс гимназии и вновь отправляется учиться, теперь в Киев, потому что Москва и Петербург были для него закрыты из-за его «политической неблагонадежности». В 1896 г. тридцатилетний К.Ф. Жаков стал студентом Университета Святого Владимира. Один год

¹ Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни... С. 107.

² Лисовская Г.К. К.Ф. Жаков в Вятке // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994. С. 347–348; Плосков А.И. Об одной «вятской» лекции К.Ф. Жакова // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994. С. 435–436.

³ Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни... С. 169.

⁴ Там же.

он проучился на физико-математическом факультете, затем перешел на историко-филологический, ибо, как он позднее писал, стало «чрезвычайно ясно, что моим настоящим делом является народоведение, изучение народа со стороны его языка, литературы, антропологических и бытовых особенностей и т.п. Мое происхождение из среды финских инородцев и моя любовь к народам Севера с одной стороны, неисследованность и важность так называемого финского вопроса, с другой, заставили меня взяться за изучение именно финских племен»¹. Одновременно занимался высшей математикой, астрономией, психологией. В Киеве в 1896 г., по воспоминаниям самого К.Ф. Жакова, начались его занятия литературным творчеством (поэзией)².

В 1899 г. К.Ф. Жаков уехал из Киева на родину, ездил по деревням, записывая коми сказки, поверья, легенды. В том же году ему удалось добиться перевода на словесное отделение историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Его прошение на имя ректора этого учебного заведения датировано сентябрем 1899 г.³ К прошению были приложены, как требовали правила того времени, свидетельство о рождении и крещении, о венчании, явке к воинской службе, увольнительная для поступления на учебу. Среди них имеется свидетельство, выданное Киевской городской полицией, о том, что «по собранным свидетельствам студент Университета Св. Владимира К.Ф. Жаков, 31 год, состояния бедного, имущества движимого и недвижимого в Киеве не имеет, и средств к жизни добывает уроками»⁴. При

переводе К.Ф. Жакову были зачтены его оценки. Кроме того, в его личном деле сохранилось письмо ректора Университета Св. Владимира своему коллеге в Санкт-Петербурге. В нем он сообщал, что «студент 5 семестра историко-филологического факультета Университета Св. Владимира Каллистрат Фалалеевич Жаков в поданном мне 8 июля с. года прошении ходатайствует о переводе его, в виду материальных обстоятельств и предполагаемого им изучения финских языков и этнографии Северной России, а также жительством его родственников в С.-Петербурге, в С.-Петербургский Университет. Вследствие сего и на основании § 5 Университетских правил, препровождая при сем на усмотрение и зависящее распоряжение Вашего Превосходительства по особой описи документы студента Жакова, имею честь сообщить, что Жаков вероисповедания православного, родился 18 сентября 1866 г., поступил в Университет в августе месяце 1896 г. по свидетельству зрелости Вологодской гимназии от 23 мая 1896 г. за № 491 и слушал лекции физико-математического факультета по отделению естественных наук в течение 2-х полугодий (1–2 семестр), из которых зачтено одно, а в августе 1897 г., согласно прошению, перечислен на историко-филологический факультет, коего лекции слушал в течение 4 полугодий (1–4) семестры, которые ему зачтены». Затем перечисляются отметки, полученные по полукурсовым экзаменам, а также отмечается, что ему выплачивалась стипендия и он освобожден от платы за учебу на 1899–1900 академический год. Отмечается, что «в бытность в университете Жаков поведения был отличного, ни в чем предосудительном не был замечен и к переходу его в С.-Петерб. университет препятствий со стороны Университета Св. Владимира не имеется»⁵.

В 1901 г. К.Ф. Жаков окончил университет с дипломом I степени. Сохранилось свидетельство, в котором отмечается, что «предъявитель сего К.Ф. Жаков, крестьянский сын

¹ Туркин А.И. Писатель, ученый, просветитель... С. 33.

² Там же.

³ Пршение К.Ф. Жакова на имя ректора Санкт-Петербургского университета // Личное дело студента Императорского С.-Петерб. ун-та Жакова Каллистрата Фалалеевича // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. № 37213, л. 3.

⁴ Личное дело студента Императорского С.-Петерб. ун-та Жакова Каллистрата Фалалеевича // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. № 37213, л. 10.

⁵ Личное дело студента Императорского С.-Петерб. ун-та... Л. 1.

православного вероисповедания, родился 18 сентября 1866 г. в Усть-Сысольском уезде Вологодской губ. По свидетельству зрелости Вологодской гимназии был принят в число студентов Императорского С.-Петербургского университета в сентябре 1899 г. и зачислен на историко-филологический факультет, в котором слушал курсы: по греческому и латинскому языку, греческой и римской литературе, греческой и римской истории, греческим и римским древностям, философии, теории и истории искусств, сравнительному языкознанию, санскритскому языку, русскому языку и словесности, славянской филологии, истории западно-европейской литературы, русской и всеобщей истории. Участвовал в установленном в учебном плане порядке практических занятиях, подвергнут испытаниям из Богословия и немецкого языка, и, по выполнении всех условий, требуемых правилами о зачете полугодий, имеет 8 зачетных полугодий»¹. Этот документ был выдан для предъявления в испытательную комиссию университета.

В том же году К.Ф. Жаков был оставлен на кафедре русского языка и литературы для подготовки к профессорскому званию². Это было связано с тем, что его дипломное сочинение «О грамматическом строе зырянского языка» было высоко оценено его научным руководителем профессором И.Н. Ждановым. К.Ф. Жаков обращается на историко-филологический факультет с подобной просьбой, которая была рассмотрена и удовлетворена на двухлетний срок начиная с 1 сентября 1901 г. с назначением стипендии в размере 50 руб. в месяц. К личному делу прилагается отношение отделения по охране общественной безопасности и порядка при Санкт-Петербургском градоначальнике о его политической благонадежности³.

¹ Личное дело студента Императорского С.-Петербур. ун-та... Л. 12.

² Личное дело об оставлении при Университете Каллистрата Фалалеевича Жакова на кафедре русского языка и словесности // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 1, д. № 9605.

³ Там же. Л. 11.

Профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ рекомендует К.Ф. Жакова для стажировки в Императорском Александровском университете в Гельсингфорсе (Хельсинки) для продолжения образования по вопросам финно-угорского языкознания⁴. В своей рекомендации он отмечал, что «оставленный при Университете для подготовки к профессорскому званию на кафедре русского языкознания К.Ф. Жаков желает посвятить себя главным образом изучению угро-финских языков, для научного исследования которых пока им ни официального, ни формального нет. Пребывая в нашем Университете, г. Жаков мог бы, правда, пополнить свои знания по языкознанию преимущественно ариоевропейской группы, но никоим образом не может заняться непосредственно научного изучения языков, избранных нашим кандидатом под руководством первоклассных специалистов, каковы прежде всего сегодня профессора Гельсингфорского университета. Поэтому, имея в виду, как личную поездку г. Жакова, так и пользу для науки, я позволю себе предложить факультету командировать К.Ф. Жакова в Гельсингфорс с исходатайствованием ему значительно увеличенной стипендии. На полученные им теперь 600 рублей в год ему невозможно было бы существовать в Гельсингфорсе, если принять в соображение его семейные условия. В заключение замечу, что, познакомившись с г. Жаковым поближе и беседуя с ним о научных вопросах, я пришел к выводу, что он заслуживает доверия и что из него может выйти деятельный специалист по финнологии. Впрочем, доказательством этого служат 4 изданных до сих пор или же 3 подготовленных к изданию научно-литературных трудов г. Жакова. Профессор Бодуэн де Куртенэ. СПб. 4/17 октября 1902 г.»⁵. Он напи-

⁴ Прошение К.Ф. Жакова на имя ректора СПб университета о выдаче ему свидетельства на проживание в Финляндии с 20 февраля по 1 марта 1902 г. // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. № 9605, л. 14.

⁵ Личное дело об оставлении при Университете Каллистрата Фалалеевича Жакова... Л. 17.

сал инструкцию для стажировки К.Ф. Жакова¹.

Пока решался этот вопрос, К.Ф. Жаков совершил поездки в Саратовскую, Самарскую, Пензенскую, Пермскую, Вятскую и Костромскую губернии².

Несмотря на то что Совет историко-филологического факультета, ректор и попечитель С.-Петербургского университета поддержали предложение проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ, стажировки в Финляндии у К.Ф. Жакова не было³. Товарищ министра народного просвещения в январе 1903 г. сообщил, «что Его Превосходительство не находит возможным удовлетворить просьбу о командировке К.Ф. Жакова за неимением в Министерстве народного просвещения свободных мест. В командировке же с пособием со средств Университета препятствий со стороны министерства не встретится, если о том будет возбуждено ходатайство»⁴.

Одновременно К.Ф. Жакову становится ясно, что он не может заниматься литературоведением. В своем письме одному из своих учителей, члену-корреспонденту Императорской Академии наук, проф. И.А. Шляпкину он 2 апреля 1903 г. писал: «Нынешняя моя поездка в Пермскую губ. для исследования инородцев (пермяков) окончательно мне показала, как мало могу я сделать для истории литературы: литературный материал финских инородцев довольно скуден и в значительной мере уже использован разными русскими исследователями. На затруднительность работы по этим причинам я, помнится, жаловался Вам, когда имел удовольствие с Вами беседовать. Но четыре мои поездки к инородцам раскрыли передо мною богатство лингвистического материала. Возможность говорить с финскими инородцами на их языке доставила мне массу интересных явлений именно в области

языков. Вследствие всего этого я, как Вы знаете, второй год занимаюсь сравнительным языкознанием под руководством профессора Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ.

Так как я официально я оставлен при кафедре русского языка и литературы и срок моего оставления нынче весной оканчивается, то я обращаюсь к Вам, многоуважаемый Илья Александрович, с просьбой, не возбудите ли Вы в заседании факультета вопроса о продлении моего оставления при Университете»⁵.

Именно по ходатайству своих учителей К.Ф. Жакову был продлен срок пребывания в университете на 1903/04 гг. и выдано пособие на проведение экспедиций в Саратовской и Самарской губерниях в 1903 г. и в Архангельской губернии в 1904 г. По поводу последней поездки К.Ф. Жаков в своем прошении писал, что, «желая исследовать языка и особенностей жизни зырян по реке Ижме Архангельской губернии и быта самоедов, а также сбора словарных материалов языка последних, я решаюсь покорнейше просить, не найдет ли возможным Совет ИФФ выдать мне какое-либо пособие для поездки в Ижемский край»⁶.

В сентябре 1904 г. К.Ф. Жаков обращается в Совет историко-филологического факультета со следующим прошением: «Желая продолжить свои занятия по сравнительному языкознанию и держать магистерский экзамен в феврале 1905 г., честь имею просить Совет предоставить мне возможность считаться оставленным при Университете на предстоящий 1904/1905 академический год. Как на отчет о своих работах, имею честь сослаться на свои сочинения, подготовленные к печати и находящиеся у академика К.Г. Залемана»⁷. Из этого прошения видно, что магистерский экзамен К.Ф. Жаков выдержал и защитил диссертацию в 1905 г., а не в 1902 г., о чем пишут исследователи его творчества.

¹ Инструкция профессора Бодуэна де Куртенэ магистранту К.Ф. Жакову // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 737, оп. 151, д. № 326, л. 64.

² Там же. Л. 15, 16.

³ Переписку по этому поводу см.: Там же. Л. 19, 22, 23.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Цит. по: Плосков И.А. Из архивных материалов К.Ф. Жакова // Лад-Арт. Сыктывкар, 2001. № 3. С. 113.

⁶ Там же. Л. 28.

⁷ Там же. Л. 31.

В личном деле К.Ф. Жакова сохранился один любопытный документ, который требует своего объяснения. В сентябре 1905 г. С.-Петербургское губернское жандармское управление в письме на имя ректора с пометой «Секретно» попыталось выяснить, «нет ли в числе лаборантов и хранителей С.-Петерб. университета, а также в числе оставленных для подготовки к профессорскому званию лица с фамилией “Жаков”, а также его имени и отчества, если же он выбыл, то куда». В ответе ректора было написано, что «в числе оставленных для подготовки к профессорскому званию состоял *Каллистрат Фалалевич Жаков по кафедре русского языка и словесности с 1 сентября 1901 г. по 1 сентября 1905 г., а с сего срока оставленным при Университете не состоит. И так как с истечения срока оставления при Университете связь с г. Жаковым Университет прекратил, то местопребывание его в настоящее время неизвестно*¹. К.Ф. Жаков, действительно, в это время уже не числился в университете.

Магистерская диссертация ученого называлась «Народная словесность зырян и русские сказки». В ней он впервые обращается к «Калевале», калевальской ритмике, легендарной Биармии. Может быть, именно в это время у него зародилась идея создания коми литературного эпоса «Биармия», позднее претворенная в жизнь². Как пишет А.И. Туркин, «университетские годы широко раскрыли разносторонние грани его дарования, послужили стартовой площадкой для новых творческих дерзаний и поисков»³.

Петербургский период жизни К.Ф. Жакова, длившийся до лета 1917 г., отмечен активной научно-педагогической и литературной деятельностью. Несмотря на то что он не получил должности в университете, два года читал там курс коми языка. По просьбе факуль-

тета, попечитель Петербургского учебного округа разрешил «выдержавшему испытания на степень магистра сравнительного языковедения К.Ф. Жакову частное преподавание зырянского языка на 1 год, не приурочивая это преподавание ни одной из кафедр» с сентября 1906 г.⁴

Университет продолжал оказывать содействие К.Ф. Жакову в его исследованиях. В частности, университет выдал ему в 1908 г. пособие для поездки на Печору. Судя по документам, окончательно разрыв с этим учебным заведением произошел в 1913 г., когда Жаков попросил выдать ему документы, а именно — диплом и магистерское свидетельство, «так как я в университете не служу, а пользуюсь лишь правами частного преподавателя»⁵.

В последующие годы К.Ф. Жаков преподавал русский язык, литературу и историю в разных петербургских учебных заведениях: женском пансионе польско-католического училища при костеле св. Станислава, в Окружной, 1-й и 10-й петербургских гимназиях. В 1906–1916 гг. К.Ф. Жаков преподавал на различных общеобразовательных курсах (Черняевских, Фребелевских), «курсах Энциклопедии высшего знания» и т.д.⁶

В 1908 г. академик В.М. Бехтерев пригласил его на кафедру логики в Психоневрологический институт, где К.Ф. Жаков до 1917 г. читал лекции по логике, этике, философии и стал профессором. Этот институт стал главным пристанищем выходца из Коми края. Долгое время ученый занимал в нем должность заведующего по студенческим делам. К.Ф. Жаков был любимцем студентов. Один из учеников К.Ф. Жакова по Чернявинским курсам и Психоневрологическому институту, земляк Ф.П. Чукичев, позднее писал, что «он был душой курсов, учителем жизни. Он умел заражать людей беспредельной любовью

¹ Цит. по: Плесков И.А. Из архивных материалов К.Ф. Жакова... Л. 34.

² Текст диссертации хранится в Архиве РГО. Раз. 53, оп. 1, № 91.

³ Туркин А.И. Писатель, ученый, просветитель... С. 34.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Жакова Л. К.Ф. Жаков как педагог // Лад-Арт. Сыктывкар, 2001. № 3. С. 114–123.

к истине, науке и искусству»¹. Его квартира в Петербурге, на Гатчинской ул., 19, всегда была открыта для людей. Например, писатель В. Шкловский, который был одним из его учеников в Окружной гимназии, вспоминает, что весной 1913 г. он встретил там писателя Александра Грина, который некоторое время жил на квартире К.Ф. Жакова по чужому паспорту, скрываясь от полиции². Так, А.И. Туркин пишет, что в особом журнале Совета Министров в 1914 г. зафиксировано, что «на квартире заведующего учебными делами института профессора Жакова для учащейся молодежи устраиваются чтения якобы для научных лекций, но на самом деле для обсуждения политического свойства вопросов»³. В 1915 г. К.Ф. Жаков под давлением властей был снят с этой должности.

Психоневрологический институт открылся в Петрограде в июне 1907 г. как первое всеобщее частное высшее учебное заведение. Он был создан В.М. Бехтеревым и стал весьма популярным. Среди студентов института преобладали «инородцы» и девушки, ибо эти две категории молодежи не имели доступа в государственные вузы. Так как обучение было платным, для поддержания неимущих устраивались благотворительные вечера, лекции, концерты. На них выступали все известные русские люди того времени. Это высшее учебное заведение ставило своей целью разработку и расширение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними ряда гуманитарных наук⁴. Так как институт был научно-исследовательским заведением, то его сотрудники первоочередной задачей считали всестороннее изучение мозга, а также придание психологии статуса учебной дисциплины, которая должна преподаваться всем студентам. Предполагалось, что в институте

студентами будет получено широкое психологическое образование. Из общего курса, на котором были сосредоточены главным образом биологические, неврологические, исторические и общественные науки, с 1910 г. выделена психологическая секция с научными дисциплинами, составляющими «разветвление психологии и философии»: индивидуальная, общественная и национальная психология, философские науки, общее языкознание и др. Профессорско-преподавательский состав института не уступал университетскому. Но в отличие от университета, в институте читались специальные лекции по социологии (М.М. Ковалевским и Е. де Роберти). Одновременно функционировали различные научные кружки, в том числе философские: «История философии» (руководитель К.Ф. Жаков), «Кружок по изучению теории познания» (руководитель К.Ф. Жаков), «Философско-экономический кружок» (руководитель И.В. Чернышев), «Философско-социологический кружок» (руководитель Е. де Роберти).

Власти видели в этом институте «рассадник крамолы» и неоднократно пытались его закрыть, что и было сделано за три дня до начала Февральской революции.

К.Ф. Жаков вел большую культурно-просветительскую работу, много ездил по стране с лекциями, бывал в Центральной России, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Финляндии, Китае, Японии. Сведения о подобных поездках отражены в центральной и провинциальной печати⁵. Почти ежегодно К.Ф. Жа-

¹ Чукичев Ф.П. Жаков как преподаватель // Архив Национального музея Республики Коми. Ф. 945, № 7.

² Шкловский В.Б. Ледоход // Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972. С. 204.

³ Туркин А.И. Писатель, ученый, просветитель... С. 35.

⁴ Справочная книга о Психоневрологическом институте на 1912/13 гг. СПб., 1912.

⁵ См., например: Профессор К.Ф. Жаков (К его приезду в Архангельск) // Северное утро. 1911. № 49. (В статье сообщаются сведения о его биографии и предстоящих лекциях. В № 51, 52, 55, 56, 71 анонсируется краткое содержание лекций.); Айнов. Современная жизнь на Севере // Северное утро. 1911. № 80, 81. (В статье приводится реферат доклада К.Ф. Жакова на заседании «Общества взаимопомощи уроженцев Архангельской губернии в С.-Петербурге».); У проф. К.Ф. Жакова // Северное утро. 1913. № 130. (Интервью о его предстоящей поездке в Большеземельскую тундру. В № 132 за тот же год — сообщение о его лекции «Трагизм в русской литературе». В этом году во время пребывания в Архангельске он прочитал шесть публичных лекций.)

ков приезжал в Коми край, стараясь по мере сил содействовать просвещению местного населения. Неотъемлемой частью просвещения, народного образования он считал изучение родной культуры, истории родного народа. Ученый предлагал провести реформу школьного образования, не устраивавшего его из-за косности и начетничества. В ходе одной из таких поездок К.Ф. Жаков познакомился *Путимом Сорокиным*, которому позднее помог «выбиться в люди».

Отдельно следует остановиться на его поездке в Японию в 1913 г.¹ После этой поездки он высказал идею о генетической родственности зырянского и японского языков. В частности, он пишет, что выявил в японском языке 280 коми корней. Несмотря на нелепость такого утверждения, в нем есть определенное рациональное зерно, если исходить из гипотезы об урало-алтайской прародине финно-угров. Но это предположение вызвало серьезную критику². Наиболее аргументировано против идей К.Ф. Жакова высказался оппонент, скрывшийся под псевдонимом «Морт». Из его высказываний видно, что он коми-зырянин, свободно владеет коми языком, знает грамматику этого языка и знаком с последними публикациями по лингвистике и этнографии коми. Разобрав статью К.Ф. Жакова, указав на многочисленные лексикографические и грамматические ошибки его умозаключений, автор рецензии приходит к выводу, что уважаемый профессор не привел ни одного достаточно ясного научного свидетельства об этом родстве. Отмечая экзальтированный характер записок автора, Морт заканчивает свою рецензию резким заключением: «*Когда нам не дают никаких доказательств этого род-*

ства, а просят верить на слово, то мы считаем вынужденными отказаться от подобного “родства”, потому что “самозванцами” сородичами ни японцев, ни кого другого быть не хотим». Современные исследователи также скептически относятся к подобным построениям К.Ф. Жакова³.

К.Ф. Жаков рассматривал язык как живой памятник истории, средство изучения прошлого народа. Наиболее полно его сравнительно-историческая методология использования данных языкознания для изучения этнической истории народа представлена в статье «*Судьбы финно-угорских племен в историческое и доисторическое время*»⁴. В ней он обосновывает финно-угорское родство, используя в качестве доказательства широкий круг лингвистических параллелей. В то же время он высказывался против урало-алтайской гипотезы происхождения финно-угорских народов, считая, что финно-угры «*не принадлежат к монгольской расе, а составляют особую европейскую расу*». Таким образом, он противоречит высказанной им самим идее родства зырянского и японского языков, что возможно только в общей урало-алтайской языковой семье. В то же время идея о возможности отдаленного урало-индоевропейского родства все чаще привлекает внимание лингвистов⁵. Далее К.Ф. Жаков рассматривает проблему финно-угорской прародины,

³ О лингвистических взглядах К.Ф. Жакова см.: *Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л.* О некоторых взглядах Каллистрата Жакова на язык // *ЛУ*. 1989. № 4. С. 288–291; *Туркин А.И.* К.Ф. Жаков как исследователь финно-угорских языков // *ЛУ*. 1991. № 4. С. 277–283.

⁴ *Жаков К.Ф.* Судьбы финно-угорских племен в историческое и доисторическое время // *Изв. АОИРС*. № 17. С. 409–412.

⁵ *Серебрянников Б.А.* О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // *Тр. Акад. наук Литовской ССР*. Вильнюс, 1957. Сер. А. Вып. 1 (2); *Напольских В.В.* Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э.: данные пермских языков // *Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры*. Сыктывкар, 1996. Т. 2: *Филология. Этнология*; *Он же.* Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье середине I тыс. н.э. // *Славяноведение*. 2006. № 2. С. 3–19.

¹ *Жаков К.Ф.* В Японии // *Вестн. знаний*. 1913. Кн. 1; *Он же.* О соотношении японского и самодийского языков к угро-финским, в частности к зырянскому языку, и историко-культурные выводы // *Изв. АОИРС*. 1913. № 15. С. 711–713.

² Важные открытия: О сходстве японского и зырянского языков, выявленное К. Жаковым // *Думы Забайкалья*. Чита, 1912. 29 авг.; *Морт*. Родственны ли зыряне японцам? (По поводу поездки Жакова в Японию) // *Изв. АОИРС*. 1914. № 17, 20.

которую он трактует как финскую. По его мнению, она охватывала огромную территорию: от Вислы — на западе, Дона — на юге, Уральских гор — на востоке и Ледовитого океана — на севере. Этот район был очерчен прежде всего на основе топонимических данных из коми языка, без привлечения сведений из других финно-угорских языков. В этом отражается влияние на методологию К.Ф. Жакова ономастической методологии *А.И. Шегрена*, который впервые научно обосновал возможность использования подобного материала в этногенетических исследованиях. Хотя теоретический уровень изысканий последнего уже не соответствовал достижениям финно-угорского языкознания¹.

К.Ф. Жаков предлагал ввести в школе преподавание родного коми-зырянского языка, которому придавал огромное значение². «Язык — душа народа...» — говорил К.Ф. Жаков. «Долг каждой нации сохранять свой язык и охранять чужие языки, долг каждого человека — серьезно и свято относиться не только к языку современных культурных народов, но и к языку народов, не попавших в светлый круг культурно-исторической жизни, народов, исчезнувших или исчезающих». Для свободного развития и функционирования коми языка и просвещения коми К.Ф. Жаков считал необходимым издание литературы и выпуск еженедельной газеты на коми языке. И хотя эта просветительская деятельность не получила должной поддержки со стороны властей, он остался в народной памяти как подвижник этого дела.

Начав свою научно-педагогическую деятельность как этнограф, фольклорист, лингвист, К.Ф. Жаков со временем все больше внимания стал уделять философии. Его мировоззрение базировалось на так называемой

дуалистической философии: с одной стороны, он был материалистом, а с другой — идеалистом, критикующим субъективный идеализм с позиций идеализма объективного³. Он создал оригинальное философское учение, получившее название «лимитизм» (от лат. *limes* 'предел'), т.е. философию предела, одно из ключевых положений которого гласило, что «*познание — переменная величина, идущая к своему пределу, к бытию*». Жаков считал, что для человеческого познания существует предел как в области философии, математики, физики, так и в других областях наук. Человек не может познать высшие законы, установленные богом. Согласно его теории первопричиной всего в мире является «Первопотенциал, или Бог». По мнению ученого, лимитизм синтезирует науку, искусство и религию и основан на математически точно вычисленных положениях. В начале XX в. К.Ф. Жаков окончательно перешел на позиции религиозной философии, но свое учение о Первопотенциале и «лимитизме» он адресовал не только религиозным людям: «*Лимитизм является почвою, на которой атеист способен объединиться с человеком верующим*», — говорил он. До конца своей жизни К.Ф. Жаков пропагандировал идеи лимитизма⁴. У этой теории было немало последователей. В тех местах, где жил К.Ф. Жаков, возникали философские кружки лимитистов. Так, с целью распространения идей лимитизма в сентябре 1920 г. в Риге было создано «Общество лимитивной философии в Латвии». Ранее подобное общество существовало в г. Юрьеве (ныне — г. Тарту). Но сегодня о философских разысканиях К.Ф. Жакова знают только специалисты по истории философии⁵.

³ Жаков К.Ф. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. СПб., 1907.

⁴ Жаков К.Ф. Основы эволюционной теории познания (лимитизм). СПб., 1912; *Он же*. Лимитизм. 1 лекция. Пг., 1917; *Он же*. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига, 1929; *Он же*. Лимитизм. Избранные главы // Арт-Лад. Сыктывкар, 2001. № 3. С. 86–95.

⁵ Грузенберг С. Очерки современной русской философии. СПб., 1911.

¹ Основы финно-угорского языкознания. Т. 1. С. 33–43.

² См., например: Жаков К.Ф. Доклад о необходимости среднего учебного заведения для Зырянского края // Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии 1907 года и доклады Управы с приложениями. Усть-Сысольск, 1908. С. 504–508.

Кроме философии и других упоминавшихся наук К.Ф. Жаков занимался литературоведением, математикой, астрономией, увлекался психологией, фармакологией, геологией, археологией и т.д.¹ В начале XX в. он был избран членом Парижского астрономического общества.

Отдельно следует рассмотреть его литературную деятельность. К.Ф. Жаков как писатель пользовался немалой известностью. Несмотря на то что он начал писать достаточно поздно (его первое сочинение было опубликовано, когда К.Ф. Жакову было 35 лет), его перу принадлежит много прозаических и поэтических произведений: очерки из жизни коми, удмуртов, коми-пермяков, русских, реалистические и фантастические рассказы, сказки, в которых чрезвычайно искусно использовал фольклор коми народа. Ему принадлежат более 60 беллетристических произведений, из которых 42 носят этнографический характер. В первый, начальный период творчества в своих реалистических рассказах и очерках он изображает нищенское и бесправное существование народов Севера России. С общедемократических позиций с явным сочувствием К.Ф. Жаков рисует трудящихся, крестьян-бедняков, представителей рабочего класса².

¹ Например: *Жаков К.Ф. Личность и общество в учениях Ницше, Достоевского и Толстого: Тезисы // Протоколы заседания Русского общества нормальной и патологической психологии за 1904 год. СПб., 1908. С. 163–166; Он же. Иван Карамазов: Попытка философского истолкования романа Достоевского «Братья Карамазовы» // Ясная Поляна. 1909. № 5. С. 25–32; № 6. С. 33–64; Он же. Леонид Андреев и его произведения // Леонид Андреев. Рассказ о семи повешенных. СПб., 1909. С. 3–34; Жаков К.Ф. Понятие бесконечности в алгебре, в анализе, в геометрии, в философии; проблема о бесконечности пространства, проблема о бесконечности вещества // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 1 (61). С. 568–580.*

² Этим проблемам посвящены сборники его рассказов: «На севере, в поисках за Памом, Бур-Мортом». СПб., 1905; «Очерки жизни рабочих и крестьян на Севере». СПб., 1906; «Из жизни и фантазии». СПб., 1907; «В хвойных лесах. Рассказы Коми-Морта». СПб., 1908; «Под шум северного ветра». СПб., 1913; «Гарморт на Крайнем Севере». СПб., 1914 и др. Характеристику К.Ф. Жакова как литератора см.: *Лисовская. Г.К. Новеллика К.Ф. Жакова // Творчество К.Ф. Жакова...*

Наиболее значительным литературным трудом К.Ф. Жакова является автобиографическая повесть «Сквозь строй жизни»³. В этой книге уделяется внимание социально-экономической жизни Коми края, описанию народного быта. Генеральная нить книги — история человека, «искателя знаний и истины», стремящегося «постичь причины горя страдающего любимого народа». Главный герой книги — Гарморт — это сам К. Жаков. Алексей Айнов, откликнувшийся на выход первого тома этой книги, справедливо отметил, что «легенда, сказка лишь канва, руководствуясь которой автор лишь вышивает узор своих задушевных мыслей... Скорбь о человечестве, гибнущем в тисках неправильных понятий цивилизаций, тоска по смутно-мелькающему впереди идеалу, вера в очищающую силу новых молодых народов — вот какой смысл многих произведений К.Ф. Жакова»⁴. Были и другие рецензии. Например, одну из них написал товарищ **П.А. Сорокина** по университету, будущий экономист Н. Кондратьев⁵. По мнению Н. Кондратьева, новая книга К. Жакова, «быть может, одна из самых задушевных и грустных, какую я когда-нибудь читал. И вполне понятно почему. Она явно биографического характера». Далее рецензент отмечает, что в этой книге повествуется о поисках сильного, незаурядного человека, вышедшего из тайги Дальнего Севера и нашедшего свое место в современном культурном мире. Н. Кондратьев

С. 11–23; *Она же. Рассказ начала XX века и своеобразие рассказов К.Ф. Жакова // Становление и развитие коми фольклора и литературы. Сыктывкар, 1991 (Тр. ИЯЛИ); Она же. Жизнь Коми края в конце XIX — начале XX века по произведениям К.Ф. Жакова // Изв. ОИИК. Сыктывкар, 2007. № 1 (10). С. 134–140; Pogodin A. Žakov. Ethnologische Skizze über die Sytjänen // FUF. 1901. Bd. 1.*

³ *Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. СПб., 1912–1914. Ч. 1–4. Литературоведческий анализ книги см.: Кузнецова Т.Л. Автобиографический роман «Сквозь строй жизни» // Творчество К.Ф. Жакова... С. 23–32.*

⁴ *Айнов А. К.Ф. Жаков. Сквозь строй жизни // Северное утро. 1912. № 152.*

⁵ *Кондратьев Н. Жаков К.Ф. «Сквозь строй жизни». Издание М.К. Костина. СПб. Т-во «Грамотность» // Изв. АОИРС. 1912. № 18. С. 824–830.*

обращает внимание на внутренний конфликт героя, который, с одной стороны, стремится к знанию, в город, а с другой — не может оторваться от прежней жизни; между рационализмом знания, философией, и верой в традиционные представления. Именно конфликт ведет к утрате душевного покоя главным героем, а вместе с ним и автором. Отсюда его чувство одиночества, тоски. Н. Кондратьева интересуется вопросом: где выход из этой ситуации? По его мнению, одни стали бы искать выход в пьянстве. Герой К. Жакова, как и автор, выбирает другой путь — поэзию, художественное творчество. Его герой восклицает: «жажда высшей жизни — источник моего творчества. В нем мое спасение». Кстати, этой идеи не поняли критики 1930-х гг., основывавшиеся на фразе К.Ф. Жакова: «Здесь источник моей религиозности». Но далее следуют слова: «и поэзии». Заканчивая рецензию, Н. Кондратьев замечает, что «терзания эти — удел развитого могучего духа». Они служат показателем духовного прогресса, и это явление очень типично для «нашего современного общества». В этом смысле К.Ф. Жаков не одинок.

Другой рецензент, А. Поведская, в первую очередь останавливается на «оригинальном психологическом материале» книги¹. По ее мнению, книга К.Ф. Жакова представляет интерес не столько с художественной точки зрения, сколько с психологической. Ибо фигура К.Ф. Жакова, «крестьянина-инородца, ныне профессора, писателя, представляет собой оригинальную фигуру». Он прошел «сквозь строй жизни», пробил твердую стену, отделяющую крестьянина бедняка от человека более высокого культурного уровня. В произведении нарисован психологический портрет героя, который постоянно сравнивается с автором, его неудачами и успехами. А. Поведская отмечает одновременно «сплошной стон больной измученной души» и «режущие горделивые самовосхваления» по отношению к собственной книге. Указывается на

проповедь эволюционной религии, которая пронизывает всю книгу. Но самым ценным А. Поведская считает то, что, несмотря на всю обрушившуюся на него критику с момента начала литературного и научного творчества, К.Ф. Жаков твердо придерживается собственных творческих приемов, сохраняет свой этнографический стиль. В защиту этого тезиса А. Поведская приводит цитату из его книги: «Напрасно мне говорят друзья, чтобы спокойно писал я, чтобы созидал литературные произведения, применяясь ко вкусам современников, и меньше давал бы места выпадам. Я не могу слушать современников, ибо не знаю, что будет ценить потомство: литературу или правду».

Рецензент отмечает еще один положительный момент книги — это пафос веры в силу «первобытных народов» [подразумеваемая под ними в первую очередь инородцев России. — А.Т.]. Ф. Жаков пишет: «Я должен показать первобытным народам, что силы много в их груди, терпения, непочатый угол — стремлений, что буря. Мы способны к наукам, к искусству, ко всему высокому и благородному. Первобытные народы — источник жизни грядущей. Есть Бог, помогающий первобытным народам. Он поможет мне, если не победит мирь, то не быть побежденным»². В определенной степени К. Жаков был прав.

Необходимо остановиться на литературных сказках К.Ф. Жакова. Многократно бывая на Севере, он всегда собирал и записывал сказки и легенды. Выше уже было сказано, что его магистерская диссертация была посвящена сказкам народа коми. Это первая научная работа, в которой рассматривались проблемы коми фольклора. Чтобы передать красоту языка, образность сюжетов, колорит и картинность сказаний народов Севера, К.Ф. Жаков предпринимает серию публикаций коми сказок на русском языке с целью их популяризации³. Его философские сказки пу-

² Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Пг., 1914. Ч. 3. С. 51.

³ Оронович В. Творчество К. Жакова. (О северных сказках и поэмах К. Жакова) // Архангельские ведомости. 1911. № 32.

¹ Поведская А. «Сквозь строй жизни» К.Ф. Жакова // Изв. АОИРС. 1914. № 18. С. 579–583.

бликовались в научных журналах, провинциальных газетах. Часто он издавал их небольшими книжками за свой счет (для этого он основал в Петербурге небольшое издательство «Парма»)¹.

Блестящий анализ этих беллетристических произведений сделан его земляком, студентом Петербургского университета, начинающим ученым **П.А. Сорокиным**, который в 1910 г. публикует статью «Грезы Севера». Она является рецензией на ряд сборников рассказов К.Ф. Жакова². В оценке этнографической беллетристики К.Ф. Жакова П.А. Сорокин исходит из теоретического предположения, высказанного Шарлем Летурно в его книге «Литературные эволюции различных народов»: одной из особенностей финского художественного творчества является обилие фантазии и грез, богатство образов, красок и анекдотов. Ш. Летурно с этой точки зрения рассматривает «Калевалу». По мнению П.А. Сорокина, аналогичные мотивы — сказки, грезы, мечты — можно встретить в творчестве К.Ф. Жакова. Рассматривая главных героев беллетристических произведений К.Ф. Жакова, П.А. Сорокин выделяет несколько групп. Во-первых, сказочники, рассказчики, певцы, музыканты, исполнители. Их устами часто говорит сам ученый. Во-вторых, великие колдуны, среди которых много персонажей, реально зафиксированных в фольклоре коми тунов. (Позднее многие из этих

действующих лиц появляются в работах **А.С. Сидорова**.) Рецензент также пишет, что ему приходилось записывать аналогичные сказания у зырян. В то же время П.А. Сорокин отмечает, что К.Ф. Жаков, пользуясь художественными способами, описал основные типы коми-зырян, ибо он, «сам зырянин, много занимавшийся этнографией зырян, до мелочи изучил их жизнь, обычаи, песни и душу и все это красиво набросал в этих очерках, проникнутым единством настроения и легкой грустью». Далее он отмечает, что «в творчестве Жакова раскрывается своеобразный мир, мир, богатый красками, аккордами и образами, таинственными звуками, окутанный мистицизмом». И завершая свой очерк, П.А. Сорокин пишет: «Кто ищет в искусстве новые миры, отличные от действительности (а эту роль и выполняет, по нашему мнению, искусство), тот получит известное эстетическое наслаждение от пропитанного запахом смолистых сосен мира, рисуемого Жаковым».

Наивысшим достижением К.Ф. Жакова в этой области стала большая эпическая поэма «Биармия», сочиненная им на русском языке³. Она завершена во время пребывания в Финляндии в 1916 г. и направлена автором на суд А.М. Горького. К сожалению, поэма не была издана в те годы и сохранилась в личном архиве А.М. Горького⁴. В настоящее время известны два рукописных списка этой поэмы⁵. Это произведение является крупнейшим стихотворным творением К.Ф. Жакова. Оно состоит из 46 частей, содержит около 7 тыс. стихотворных строк на 215 страницах.

Об истории создания поэмы мы можем судить по авторскому предисловию, написанному по просьбе М. Горького и оставшемуся неопубликованным в сыктывкарском издании. В нем К.Ф. Жаков пытается убедить М. Горь-

¹ Можно указать некоторые из них: *Жаков К.Ф.* Уриила; Вenuлитто; Мили-Кили; Нева-Херге; Ниеганелла (Сказание о Зле). СПб., 1908; *Он же.* Агаман Шипича. СПб., 1910; *Он же.* Тогай. (Северное предание) // Вестн. знания. 1910. № 10. С. 1077–1085; То же // Северное утро. 1911. № 93, 98, 100, 102; *Он же.* Нялай // Северное утро. 1911. № 52, 54; *Он же.* Войморт. (Северная сказка) // Вологодский листок. 1911. № 282, 283; *Он же.* Бегство северных богов (Сказание) // Архангельские ведомости. 1911. № 33; *Он же.* Жизнь Гараморта // Северное утро. 1913. №. 132, 133, 136, 137, 141, 143, 148, 150, 154, 155 и т. д.

² *Сорокин П.А.* Грезы Севера. (К.Ф. Жаков. «На Север в поисках за Памом Бур Мортмом», «В хвойных лесах», «Из жизни и фантазии», «Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере» // Изв. АОИРС. 1910. № 17. С. 33–37; То же // Арт-Лад. Сыктывкар, 2001. № 3. С. 102–106.

³ *Жаков К.Ф.* Биармия. Коми литературный эпос / Сост., предисл., коммент. А.К. Микушева; пер. на коми М.В. Елькина. Сыктывкар, 1993.

⁴ Литературоведческий анализ поэмы «Биармия» см.: *Демин В.Н.* Поэзия К.Ф. Жакова // Творчество К.Ф. Жакова... С. 32–41.

⁵ *Микушев А.К.* Коми Калевала // Жаков К.Ф. Биармия... С. 6.

кого в том, что его поэма опирается на отечественные и зарубежные исторические источники. Он, как исследователь, прекрасно разобрался в источниковедении и историографии древней истории финно-угорских народов¹. К.Ф. Жаков пишет по этому поводу: «При современном состоянии этнографии и “доисторической, первобытной” истории можно сказать, что саги, как и былины, как и сказки, составляют поэтическую историю народа. Все, что говорится в сагах о Биармии, имело место, как доказывают другие данные у вогулов, остяков и других финских племен Восточной России и Сибири»². Но в конце предисловия ученый вынужден был признать, что сюжет поэмы — это «вымышленное событие», что в ней не отражены реальные исторические события³.

Тем не менее К.Ф. Жаков создает фантастическую картину нереальной, мифологической страны, полную вымышленных героев. В основу произведения положены легенды и сказания многих народов Европейского Севера. В географическом плане события, судя по упоминаемым топонимам, действительно происходят на территории современного Коми края.

Современные исследователи литературы народа коми, А.К. Микушев и В.Н. Демин, считают, что мир поэмы «Биармия» — это мир, пронизанный поэтикой коми национальной мифологии. Но при подробном анализе текста мы видим, что К.Ф. Жаков испытывал сильное влияние текста «Калевалы». К этой проблеме он обращается еще раз в своей магистерской диссертации. О влиянии свидетельствует, в частности, тот факт, что «Биармия» написана т.н. калевальским стихотворным размером — калевальской ритмикой. Главный герой жаковской поэмы — великий тун, волшебник и певец Вөрморт (Лесной человек) — соотносится с главным героем «Ка-

левалы» — певцом Вайнемейненом. Сюжет обоих произведений также совпадает: события разворачиваются вокруг сватовства главных героев. Различия лишь в том, что Э. Леннрот оперировал реальными фольклорными текстами, собранными им в ходе 11 путешествий по Финляндии и Карелии, составляя из них повествовательную картину, а К.Ф. Жаков придумал текст. Хотя он также собирал и записывал фольклор в ходе своих поездок, но эти записи не сохранились.

Основные литературные произведения К.Ф. Жакова можно отнести к жанру этнографической беллетристики. Они (за исключением нескольких стихотворений) были написаны на русском языке и опубликованы. По мнению А.Е. Ванеева, в своих литературно-художественных работах на фольклорно-этнографической основе К.Ф. Жаков ставил перед собой ряд просветительских задач: познакомить русское общество с жизнью малых народов, российских инородцев и обратить внимание на проблемы развития Севера.

Произведениям К.Ф. Жакова уделили внимание М. Горький, А. Блок, В. Брюсов. Например, в одном из писем на имя Л. Андреева М. Горький писал: «Знаешь, в России есть интересный писатель Жаков, зырянин. Любопытнейшая фигура»⁴. В архиве М. Горького сохранились письма К. Ф. Жакова к нему. Из них следует, что М. Горький читал некоторые его произведения и просил «познакомить ... со всеми ... трудами»⁵. Известно, что они были лично знакомы. Сказки К.Ф. Жакова издавались за рубежом и вызвали благожелательный отклик: его сравнивали с Д. Свифтом, автором знаменитых «Путешествий Гулливера». Некоторые произведения К.Ф. Жакова хранились в библиотеке Л.Н. Толстого. Так как они не имеют дарственных надписей, можно предположить, что книги были куплены или самим писателем, или кем-то из его окружения⁶.

¹ См., например: Жаков К.Ф. Судьбы финно-угорских племен в историческое и доисторическое время // Научное обозрение. 1911. № 9. Окт. Стб. 1222–1223; То же // Изв. АОИРС. 1911. № 17. С. 409–412.

² Архив А.М. Горького при ИМЛИ РАН. Ф. 43667, РАВ-пГ 19–3–1, с. 4.

³ Там же. С. 18.

⁴ Литературное наследство. Неизданная переписка А.М. Горького. Т. 72. С. 346–347.

⁵ История коми литературы. Т. 2. С. 88.

⁶ Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: библиографич. описание. М., 1972. I: Книги на русском языке. А–Л. С. 287.

К.Ф. Жаков не мог пройти мимо стоявших перед российским обществом начала XX в. проблем, не задумываться над путями его переустройства. Осенью 1905 г. в России после знаменитого царского манифеста от 17 октября, открывшего путь к демократическим переменам в стране, стали возникать многочисленные политические партии и группы. К.Ф. Жаков вошел в Демократический союз конституционалистов (переименованный в 1906 г. в Союз народной свободы) и возглавил эту партию, выступавшую за установление конституционной монархии, улучшение экономического положения населения, духовное освобождение человека. Но в 1906 г. он отошел от политической деятельности, разочаровавшись в ней и в возможностях существовавших партий, которые оценивал весьма скептически. Более он не занимался политической деятельностью.

Основной путь улучшения общественного устройства и жизни народа К.Ф. Жаков видел в просвещении людей. Свою задачу он образно сформулировал так: *«Мое дело маленькое: проповедовать о Боге моем, странствовать по земле, без лукавства, с наивностью ребенка описывать все виденное и слышанное»*.

Настал 1917 г. После закрытия Психоневрологического института К.Ф. Жаков находился за пределами Петрограда: лето этого года, как всегда, провел на хуторе жены близ города Валк, на границе Эстонии и Латвии. В конце 1917 г. он уехал в Псков, занятый белыми, и преподавал там психологию и педагогику в Псковском учительском институте и высшую математику в Мариинской женской гимназии до лета 1919 г. Происходившее в России во время Гражданской войны кровопролитие пугало и возмущало К.Ф. Жакова. Свою горечь он высказывал на страницах таллинских *«Последних известий»*: *«На устах у многих слова: “Прогресс, революция”, а на самом деле — толчение воды в ступе и проливание крови человеческой»*. Он призывал *«лишить трона палачей, более не подчиняться им, прекратить ложь всех интернационалов и социалистов, дать просвещение народу*

оставшемуся, вернуться к здравому разуму от туманных пропагандистов-наемников». К.Ф. Жаков написал обличительное письмо В.И. Ленину, резко критикуя политику коммунистов.

Позднее он вернулся в Прибалтику, жил сначала в г. Валга на границе Эстонии и Латвии, читал лекции в Юрьевском (Тартуском) университете и в Таллине по зырянскому языку, а в конце 1921 г. уехал в Ригу, где пытался устроиться на работу в университет, но безуспешно. Его ученики организовали здесь *«Латвийское общество философии лимитизма»* и *«Академию философии лимитизма»*. Некоторое время Жаков читал публичные лекции в здании основной школы № 27. Среди его слушателей были поэт Янис Райнис, будущий государственный деятель Советской Латвии Юстас Палецкис, художник Н.К. Рерих¹.

Последние годы жизни ученый читал платные лекции, продолжал писать научные, научно-популярные и художественные произведения. Жизнь на чужбине оказалась для К.Ф. Жакова слишком тяжелой, и никаких надежд на ее улучшение не было. Он стал задумываться о возвращении на родину. В 1919 г. его избрали профессором философии Тамбовского университета, а в 1921 г. — преподавателем Института народного образования в Усть-Сысольске. Но Гражданская война помешала вернуться на родину. В 1925 г. К.Ф. Жаков вел переписку по поводу своего возвращения в РСФСР и начала преподавательской деятельности в Пермском университете, где он должен был организовать кафедру уральских языков. Была достигнута договоренность, но болезнь и смерть коми просветителя, ученого и писателя 20 января 1926 г. помешали его возвращению².

¹ О его интеллектуальной жизни в Латвии см.: Ковальчук С.Н. Взыскую Истину. (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю.Ф. Самарин, Е.В. Чешихин, К.Ф. Жаков, А.В. Вейдеман. Середина XIX в. — середина XX в.). Рига, 1998. С. 100–114.

² К.Ф. Жаков, бывший профессор Петербургского Психоневрологического института, философ и этнограф, исследователь зырянского народа, скончался

Похороны К.Ф. Жакова превратились в политическую акцию. Согласно завещанию философа его набальзамированное тело должно было сохраняться в специальном Храме лимитизма, из стен которого эта научная теория, как надеялся К.Ф. Жаков, будет распространяться по всему миру. Поэтому через день после похорон тело ученого было выкопано его учениками. Его студент Э. Барон хотел поместить прах ученого в специальный мавзолей возле своей дачи. Но после протестов рижской общественности и родных покойного останки К.Ф. Жакова вторично были преданы земле на Покровском православном кладбище г. Риги спустя месяц после первых похорон.

Смерть К.Ф. Жакова вызвала определенную ностальгическую реакцию. Появились новые отзывы о деятельности ученого, в которых он рассматривался как прогрессивный деятель, один из основоположников коми культуры¹. Совершенно по-другому стали оценивать его деятельность через несколько лет. Начавшаяся борьба с «национал-шовинизмом» сделала его одним из главных персонажей для критики. Первым назвал К.Ф. Жакова «реакционером и буржуазным националистом» журналист и директор Коми издательства И.И. Оботуров. Именно его публикации послужили началом кампании по идеологической оценке прошлого коми культуры². Особенно саркастически высказывались о К.Ф. Жакове в Архангельске. Характеризуя 1920-е гг. в Сыктывкаре, **Н.И. Ульянов** писал, что «в это время канонизируются и возводятся в сан апостолов национальной культуры коми все сколько-нибудь видные фигуры ста-

рой буржуазной интеллигенции. Пишутся полные теплоты и задушевности статьи памяти Г.С. Лыткина и К.Ф. Жакова. Когда пришло известие о смерти Жакова <...> в Усть-Сысольске <...> состоялся торжественный вечер воспоминаний, посвященный его памяти. <...> Старые учителя, лесоводы, агрономы, бухгалтера, из которых иным было лет под 70, с необычайным подъемом и пафосом говорили о том, кто в продолжении десятилетий был властителем их дум. Из всех выступлений обрисовалась действительно гигантская фигура Каллистрата Фалалеевича Жакова, ярким метеором прозревшего быт коми деревни, оригинальностью и самобытностью своего мировоззрения и в своих ученых трудах внесшего немалую лепту в русскую науку»³.

По мнению Н.И. Ульянова, на самом деле «профессор Жаков <...> был по своим воззрениям таким беспроектным идеалистом и филистером, что не способен был ни в малейшей степени к политическому мышлению или к роли человека, будирующего и собирающего вокруг себя передовые элементы своего народа. О силе его политической мысли лучше всего говорит фраза, которую он любил повторять: “нет крестьян и дворян на земле — есть люди, живущие под небом голубым на дивной земле”»⁴. Именно это, по мысли Н.И. Ульянова, марксиста и сторонника классового устройства общества, говорит о политической неграмотности К.Ф. Жакова. Если бы Н.И. Ульянов знал, что о К.Ф. Жакове в местной печати положительно отзывался Л.Д. Троцкий, который посетил лекции последнего, его характеристики были бы более резкими⁵.

Долгое время творчество К.Ф. Жакова оставалось под запретом. Так, после смерти вышли всего две его публикации в буржуазной Латвии: это стихотворение «Молитва»

20-го января в Риге, 60 лет от роду // Научный работник. 1926. № 5–6. С. 172. Об откликах на его смерть см.: Лисовская Г.К. Краткая хроника жизни... С. 48.

¹ Янович Д. Каллистрат Фалалеевич Жаков. 1865–1926 // Коми му. 1926. № 1–2; Грузенберг С.О. Зырянский подвижник науки [памяти профессора К.Ф. Жакова] // Вестн. знания. 1926. № 7. С. 485–486.

² Оботуров И. // Ордым. 1928. № 11–12. Об И.И. Оботурове см.: Полециков В. Один из «врагов народа» // Родники Пармы. Сыктывкар, 1993; Он же. За семью печатями. Сыктывкар, 1995.

³ Ульянов Н.И. Очерки истории народа Коми. С. 174.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Т-цкий Л.Д. Леонид Андреев и его пессимизм: лекция К.Ф. Жакова // Вологодская жизнь. 1990. 28 авг.

и сборник философских работ¹. Его историко-этнографические работы и литературные произведения не включались в официальные указатели литературы². Однако исследователи традиционной культуры коми обращались к фигуре К.Ф. Жакова. Например, его творчество было рассмотрено *П.Г. Дорониным*, но работы последнего не были опубликованы³, как и заметки *Г.А. Старцева*⁴. Одной из первых к творчеству Жакова-фольклориста в послевоенное время обратилась В.А. Латышева⁵. В начале 1970-х гг. о нем писала его внучка, Л. Жакова⁶. Отрывки из книги «Сквозь строй жизни» были опубликованы в Венгрии. В 1980 г. бывший ученик К.Ф. Жакова по Психоневрологическому институту, народный поэт Латвии Янис Райнис впервые на литовском языке издал отрывки из поэмы «Биармия».

Однако официальная характеристика творчества К.Ф. Жакова еще оставалась отрицательной. А.Е. Ванеев, В.И. Лыткин, В.И. Мартынов в главе, посвященной дореволюционной коми литературе, характеризуют этого исследователя как «представителя научной поповщины в философии», «носителя реакционных эстетических взглядов», «защитника русского самодержавия». По мнению авторов, «Жаков, с молодости зараженный крайним индивидуализмом и болезненным

самолюбием и рано оторванный от родной среды, не ощущал под собой твердой социальной почвы». Его литературное творчество характеризуется как романтическое. Литературная беллетристика писателя рассматривается как «фольклорная стилистика», пропитанная «ядом жаковской идеалистической философии». Отмечается, что его книга «Сквозь строй жизни» содержит богатый фактический материал с интересными и метко подмеченными деталями из быта и обычаев коми крестьян, но в то же время в произведении «автор решительно отстаивал свои реакционные эстетические принципы» и т.д.⁷ Упомянутые авторы выражали официальную точку зрения, общепринятую в советском литературоведении, восходящую своими корнями к 1930-м гг. Но позднее они отказались от этого мнения. Например, В.И. Мартынов в своем словаре-справочнике «Литераторы земли Коми» не приводит прежних собственных одиозных характеристик К.Ф. Жакова, останавливаясь в основном на перечислении биографических сведений⁸. А.Е. Ванеев в своей последней работе пишет, что К.Ф. Жаков «является одной из самых противоречивых и даже загадочных фигур среди коми-зырянских просветителей. И каждому времени были присущи взаимоисключающие, контрастные оценки. И только в конце XX века труды и деятельность К.Ф. Жакова получили более или менее объективную оценку»⁹.

Но настоящее возвращение имени и трудов К.Ф. Жакова началось в конце 1980-х гг., после того как появилась статья И.Л. Жеребцова. Начали переиздаваться его книги, а творчество стало предметом пристального изучения¹⁰.

¹ Список прижизненных публикаций К.Ф. Жакова в его прибалтийский период см.: Культурные связи русских и коми на Европейском севере в XVII — начале XX вв. Методические указания и библиографический список трудов К.Ф. Жакова / Сост. Л.П. Рощевская. Сыктывкар, 1990. С. 18–20.

² Библиографический указатель литературы о Коми АССР. Сыктывкар, 1963.

³ Доронин П.Г. Жизнь и творчество К.Ф. Жакова // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1346, оп. 1, № 190; Он же. Выписки из произведений Ф.К. Жакова. Материалы к его биографии // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1346, п. 1, № 272.

⁴ Старцев Г.А. Жаков К.Ф. // Национальный архив Республики Коми. Ф. 961, оп. 1, № 3.

⁵ Латышева В.А. К.Ф. Жаков и фольклор: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. конф. по финно-угроведению. Йошкар-Ола, 1969. С. 113–116.

⁶ Жакова Л., Трифонов Н. Сквозь строй жизни // Север. 1974. № 8.

⁷ История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. 2. С. 84, 85 и след.

⁸ Мартынов В.И. Жаков К.Ф. // Литераторы земли Коми. Сыктывкар, 2000. С. 46–48.

⁹ Ванеев А.Е. Каллистрат Фалалеевич Жаков // Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар, 2001. С. 146.

¹⁰ Жаков К.Ф. Язык есть зеркало жизни / публ. И. Жеребцова // Молодежь Севера. 1989. 5 мая. См. также: Лисовская Г.К. Краткая хроника жизни... С. 44–51;

В начале 1990-х гг. прах ученого был привезен из Риги в Сыктывкар, где и был захоронен в третий раз.

Впервые К.Ф. Жаков обратился к этнографии, или «к народоведению», еще в годы обучения в Киеве. Но профессионально он стал заниматься этнографическими исследованиями в Петербурге, обучаясь в университете.

В 1900 г. К.Ф. Жаков в первый раз отправляется в научную командировку на родину, в ходе которой он посетил села в бассейне р. Вычегды. По материалам этой поездки К.Ф. Жаков опубликовал свои первые этнографические научные работы: «Языческое мирозерцание зырян» и «Этнологический очерк зырян»¹. За последнюю работу К.Ф. Жаков получил серебряную медаль Русского географического общества. В этих работах автор основное внимание уделил религиозным верованиям коми народа. Исследования К.Ф. Жакова заинтересовали известных российских и финских ученых. Академик В.И. Ламанский предсказал ему блестящее научное будущее. Его земляк, этнограф и антрополог **В.П. Налимов**, откликнулся в Москве рецензией, а в Гельсингфорсе отозвался А. Погодин².

В марте 1904 г. К.Ф. Жаков обращается в отделение этнографии РГО «с просьбой об исходатайствовании ему Обществом открытого листа для поездки с этнографическими целями летом 1904 г. среди пермяков»³. Это положило начало долгому сотрудничеству ученого с данной научной организацией. К тому времени К.Ф. Жаков уже был известен обществу, так как еще в 1901 г. получил ма-

лую серебряную медаль Императорского Русского географического общества за сообщение «О зырянах»⁴.

Следующий раз магистрант Петербургского университета К.Ф. Жаков обращается в РГО в 1906 г., с тем, чтобы общество выдало ему «открытый лист на губернии Самарскую, Пермскую, Вологодскую и Костромскую для поездки с целью этнографических и антропологических наблюдений над южно-финским племенем Мордва и для изучения в Чердынском уезде “пермских” названий местности, урочищ и т.д.»⁵. Его прошение было удовлетворено.

1 февраля 1908 г. К.Ф. Жаков сделал доклад о зырянах, посвященный его исследованиям в 1907 г. Как записано в протоколе, на заседании возникли оживленные прения, в которых приняли участие Д.К. Зеленин, В.И. Анучин, П.Н. Луппов, Ф.Г. Шубин⁶. Известно, что в 1907 г. Императорская Академия наук направила К.Ф. Жакова в научную командировку на р. Вычегду⁷. В отчете Отделения русского языка и словесности Императорской АН зафиксировано, что оно содействовало магистранту по кафедре сравнительного языкознания Петербургского университета К.Ф. Жакову в поездке с целью этнографических исследований в р-не Вычегды и Ижмы.

В приложении к отчету имеется его записка «К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии»⁸. Из нее видно, что К.Ф. Жакова в то время в первую очередь интересовали вопросы топонимики, ибо, как он писал, «приехав в село или дерев-

Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990; Жаков К.Ф. Биармия. Сыктывкар, 1993.

¹ Жаков К.Ф. Языческое мирозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. № 3, С. 63–84; Он же. Этнологический очерк зырян // ЖС. 1901. № 1. С. 3–36.

² Налимов В. Жаков К. Этнологический очерк зырян // ЭО. 1903. № 3. С. 177–179; Pogodin A. Žakov. Этнологический очерк зырян (ЖС. 1901. Т. 11. С. 3–36) // FUF. 1901. Bd. 1. S. 211–213.

³ Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 12 марта 1904 г. // Изв. РГО. 1904. Т. 40. Вып. 5. С. 58.

⁴ Жаков К.Ф. О зырянах // Изв. РГО. 1901. Т. 37. Вып. 4. С. 527–528.

⁵ Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 5 мая 1906 г. // Изв. РГО. 1906. Т. 42. Вып. 5. С. 43.

⁶ Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 1 февраля 1908 г. // Изв. РГО. 1908. Т. 49. Вып. 10. С. 15.

⁷ Отчет о деятельности отделения русского языка и словесности за 1907 год, составленный ординарным академиком Н.П. Кондаковым // Сб. ОРЯС. СПб., 1908. Т. 84. С. 1–68.

⁸ Приложение к отчету. С. 34–42.

ню, составлял карту ручья, рек, урочищ и т.д. с местными названиями, затем записывал фамилии крестьян, рассказы и легенды, касающиеся происхождения фамилий села и соседних местностей. Наконец, изучал особенности говоров»¹. Можно говорить о том, что основным методом его исследовательской деятельности был ономастический.

В 1910 г. К.Ф. Жаков вновь обращается в РГО с просьбой о выдаче «открытого письма для этнографической поездки в губернии Самарскую и Пермскую» и получает его². Аналогичный документ он получил в 1911 г. и в 1915 г.³

Для поездок на Север К.Ф. Жаков использовал и другие возможности. Например, в 1913 г. он был командирован Психоневрологическим институтом в Мезенский и Печорские уезды⁴. В сообщении архангельского журнала, который представлял местной публике петербургского исследователя, отмечалось, что он был лектором по зырянскому языку при Петербургском университете, а ныне состоит преподавателем Психоневрологического института по отделению психологии. 12 июля этого года ученый выступил на собрании членов Архангельского общества изучения Русского Севера с докладом «О соотношении японского и самоедского языков к угро-финским, в частности к зырянскому, и историко-культурные выводы из них»⁵. К.Ф. Жаков состоял действительным членом этого общества с 1910 г., а в 1916 г. был избран его представителем в Союзе исторических обществ России⁶.

Кроме того, К.Ф. Жаков как ученый рассматривал и другие финно-угорские народы,

в первую очередь ближайших родственников коми-зырян — коми-пермяков и удмуртов. Первым из них был посвящен очерк «По Иньве и Косьве», а вторым — «Вотяки» и «Некоторые черты из исторической и психической жизни вотяков»⁷. В декабре 1902 г. на заседании Отделения этнографии Императорского Русского географического общества К.Ф. Жаков выступил с докладами, которые легли в основу этих публикаций.

Следует отметить и филологические разыскания К.Ф. Жакова, не имевшего специального образования. Например, он благодаря поддержке академика К. Залемана опубликовал статью «Описание зырянской рукописи, датированной первой половиной XIX века (ранее 1835 г.)»⁸.

Одним из крупнейших исследователей в истории изучения народов коми является **Василий Петрович Налимов** (1879–1938). Выходец из коми-зырян, получивший высшее образование, он стал одним из лучших знатоков языка, фольклора и традиционной культуры народов коми и стоял у истоков формирования коми интеллигенции⁹.

⁷ Жаков К.Ф. По Иньве и Косьве (у пермяков). Этнографический очерк // ЖС. 1903. Вып. 4. С. 409–421; То же // Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. Сарапул, 1906. С. 89–110; Жаков К.Ф. Вотяки // Научное обозрение. 1902. № 11. С. 93–102; Он же. Некоторые черты из исторической и психической жизни вотяков (историко-этнографический очерк) // ЖС. 1903. Вып. 1–2. С. 172–187.

⁸ Жаков К.Ф. Описание зырянской рукописи, датированной первой половиной XIX века (ранее 1835 г.) // Изв. Акад. наук. 1902. (Автограф статьи находится в С.-Петерб. филиале архива АН. Раз. IV, ед. хр. 311).

⁹ Налимов В.В. Мой отец // Человек. 1992. № 3. С. 93–103; № 4. С. 63–84; Он же. Канатоходец. М., 1994. С. 27–92; Несанелис Д.А., Семенов В.А. Этнограф Василий Налимов // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 269–278; Терюков А.И. Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми. В.П. Налимов // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 3. С. 130–135; Он же. Ученик Д.Н. Анучина В.П. Налимов // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы VI Междунар. науч. семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск; СПб., 1998. Ч. 2. С. 96–98; Котылева И.Н. Неизвестный Налимов // Арт-Лад. Сыктывкар, 2004. С. 178–183; Несанелис Д.А., Семенов В.А. Этнограф Василий Налимов // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 269–278.

¹ Приложение к отчету. С. 35.

² Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 3 мая. 1910 г. // Изв. РГО. 1910. Т. 46. Вып. 8–10. С. 87.

³ Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 29 апреля 1911 г. // Изв. РГО. 1908. Т. 49. Вып. 10. С. 15; Журнал заседания отделения этнографии ИРГО от 12 мая 1915 г. // Изв. РГО. 1915. Т. 51. Вып. 10. С. 69.

⁴ Изв. АОИРС. 1913. № 13. С. 611.

⁵ Там же. № 15. С. 711–713.

⁶ Там же. 1916. № 3.

Василий Петрович Налимов родился 7 (20) марта 1879 г. в селе Выльгорт Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (ныне — с. Выльгорт Сыктывдинского района Республики Коми) в крестьянской семье. Село находилось рядом с уездным городом Усть-Сысольском (ныне Сыктывкар). Местное население занималось хлебопашеством, скотоводством, охотой, рыболовством, различными промыслами. Село Выльгорт было знаменито в Коми крае. Отсюда происходили коми писатель, просветитель, лингвист, философ, профессор **К.Ф. Жаков** (1866–1926); великолепный мастер музыкальных инструментов С. Налимов, изготовивший комплект инструментов для оркестра В.В. Андреева¹.

В.П. Налимов получил первоначальное образование в земском начальном училище в родном селе, затем в двухклассном городском училище в г. Усть-Сысольске. Его способности не остались незамеченными, и земство послало его учиться в Москву, в фельдшерскую школу, где он пробыл с 1894 по 1897 гг. Последующие 5 лет, 1897–1902 гг., В.П. Налимов работал фельдшером в различных уголках Коми края. В 1903 г. он переехал в Москву, работал по специальности на заводе Центрального электрического общества, а затем в клиниках медицинского факультета Московского университета.

В 1903 г. в Москве В.П. Налимов познакомился с академиком Д.Н. Анучиным, когда принес в Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете рукописи некоторых своих работ. Д.Н. Анучин рекомендовал к печати первые публикации В.П. Налимова (например, «Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян», статья посвящена мифологии коми-зырян, а также текст леген-

ды о паме Шипиче²). Эти работы привлекли к молодому исследователю внимание московских ученых, таких как секретарь общества В.В. Богданов, председатель этнографического отдела общества профессор В.Ф. Миллер. Они поддержали стремление В.П. Налимова серьезно заняться этнографией и помогли поступить в Московский университет. Но для этого В.П. Налимову пришлось экстерном сдать экзамен за курс классической гимназии, что он и сделал в 1905 г. после самостоятельной подготовки (при содействии В.Ф. Миллера при Лазаревском институте восточных языков).

С 1906 по 1912 гг. В.П. Налимов учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, который окончил с дипломом первой степени по специальности «Антропология». Его научным руководителем был Д.Н. Анучин. В.П. Налимов проучился больше положенных для учебы четырех лет, что было связано с тем, что в 1908–1909 гг. он стажировался в Александровском университете в Гельсингфорсе (Хельсинки)³. Его ранние работы по коми этнографии заинтересовали финских ученых. В 1907 г. во время пребывания в России доцент Александровского университета В. Мансикка встретился с В.П. Налимовым и предложил сотрудничество с Финно-угорским обществом, признанным центром изучения культуры финно-угорских народов и языков⁴.

² *Налимов В.П.* Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян // ЭО. 1903. № 2. С. 76–86; *Он же.* Зырянская легенда о паме Шипиче // ЭО. 1903. № 2. С. 120–124.

³ Об этой поездке имеются сведения в отчете о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1909–1910 академический год. Там отмечено, что В.П. Налимов занимался изучением финского языка и фольклора в Финляндии и продолжил обработку своих материалов по этнографии зырян и пермяков // ЭО. 1910. Вып. 3–4. С. 263.

⁴ *Халиков А.Х.* Финно-угорское общество (Suomalais-Ugralainen Seura) и его роль в изучении языка, фольклора, археологии и этнографии народов Северного Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1985. С. 118–129; *Ravila Paavo.* La Societe Finno-ougrienne. 1883–1933 // JSFOu. 1933. № 46.

нелис Д.А., Семенов В.А., Терюков А.И. Пути «инородца» в России. Василий Петрович Налимов // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск, 2010. С. 5–18.

¹ *Налимов С.И.* Преображенное село. Сыктывкар, 1977.

Это сотрудничество продолжалось в течение пяти лет, за это время В.П. Налимов совершил две экспедиции к коми-зырянам, одну — к коми-пермякам, а также сопровождал финского археолога А.М. Тальгрена в его поездке по Казанской губернии¹. В информации о деятельности Финно-угорского общества сообщается, что «студент Московского университета В. Налимов в 1907 г. на стипендию Финно-угорского общества совершил экспедицию к зырянам. Она продолжалась 4 месяца, с 30 мая по 30 сентября. Местом работы он избрал бассейн реки Сысолы, где он проехал до с. Ыб, и Вычегду, где обследовал селения до Усть-Кулома. Все его путешествия начинались из села Слобода (по-видимому, речь идет селе Слбббда, в районе современного ПГТ Эжва. — А.Т.). Основной целью его экспедиции было изучение религиозных представлений зырян, обычного права и семейной обрядности, а также легенд о Чуди для выявления проблемы заселения коми данного региона. Кроме сбора этнографического материала, он сделал антропологические измерения 366 человек, которые были переданы им в Русское антропологическое общество в Москве»².

В 1907 г. В.П. Налимов получил от Финно-угорского общества 200 руб. В отчете о деятельности этнографического отдела ИОЛЕАЭ отмечается: «Василий Петрович Налимов в течение одного месяца производил совместно с финским ученым Тальгреном археологические разыскания по р. Волге и Каме в пределах Казанской губ. Затем два с половиной месяца он единолично занимался этнографическими исследованиями и сбором материалов по быту и верованиям пермяков, обитающих по р. Иньве и ее притокам в Соликамском у. Пермской губ. Им собран обшир-

ный материал по семейному и общественному быту пермяков, сделаны записи по свадебному ритуалу, собраны сведения о многих обрядах и пережитках языческого культа, сделаны наблюдения по пермяцкому языку в связи с диалектологией зырянского языка»³.

В.П. Налимов был знаком с большей частью финских ученых, которые в это время так или иначе были связаны с изучением коми: **Ю. Вихманом, У. Сирелиусом, А. Хямялайненом**⁴. Его контакты с ними продолжались вплоть до начала 1930-х гг. и были прерваны в связи с резким обострением отношений между СССР и Финляндией⁵.

В эти годы он много публикуется в журнале «Этнографическое обозрение», является сотрудником «Нового энциклопедического словаря», «Энциклопедического словаря Граната», печатается в Гельсингфорсе⁶. Активно сотрудничает с этнографическим отделом ИОЛЕАЭ, членом которого он был и на средства которого совершал свои научные поездки. Так, в 1907 г. он «в течение 4-х месяцев занимался исследованиями и наблюдениями по антропологии зырян»⁷. В 1908 г. «В.П. На-

³ Отчет о деятельности этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1908–1909 академический год // ЭО. 1909. № 2–3. С. 262.

⁴ Котылева И.Н. Неизвестный Налимов... С. 180.

⁵ Об этом см.: Сакса А.И., Таввйтсайнен Ю.-П. А.М. Тальгрэн и российская археология (по материалам переписки А.М. Тальгрена) // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. Историко-культурный контекст и личность. СПб., 1996. С. 27–34; Терюков А.И. Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х — в начале 1930-х годов // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб. С. 223–231.

⁶ Налимов В.П. Загробный мир по верованиям зырян // ЭО. 1907. № 1–2. С. 1–23; Он же. Рецензия на статью Большакова «Община у зырян» // ЭО. 1907. № 3. С. 113–122; Он же. Zur Frage nach den ursprünglichen Bezeichnungen bei den Syrjänen // JSFOu. 1908. № 25. С. 1–31. (Рец. Вл. Б. (Владимира Богданова) см.: ЭО. 1909. № 3–4. С. 263–268). В книге «Великая Россия. Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России». М. Т. 2. Перу В.П. Налимова принадлежат очерки: Пермяки. С. 172–192; Башкиры. С. 197–217; Тептяри. С. 218–219; Мещеряки. С. 193–196.

⁷ ЭО. 1910. Вып. 3–4. С. 268.

¹ О его исследованиях по заданию Финно-угорского общества см.: Forschungreisn // FUF. 1907. Bd. 7. S. 68–69; FUF. 1908. Bd. 8. S. 234; FUF. 1909. Bd. 9. S. 211; Compte-rendu des travaux de la Société Finno-ougrienne du 1906–1907 // JSFOu. 1908. Bd. 25. S. 60–61; То же за 1907–1908 // JSFOu. 1909. Bd. 26. S. 18; То же за 1908–1909 // JSFOu. 1911. Bd. 27. S. 25; Suomalais-ugrilainen Seura. 1911 // JSFOu. 1911. Bd. 27. S. 35.

² Forschungreisn // FUF. Bd. 7. S. 68–69.

лимов ездил в Печорский край к зырянам для этнографических и антропологических целей. Им были продолжены прошлогодние занятия в тех местах»¹.

В.П. Налимов часто выступал с докладами на его заседаниях. Например, в 1909/1910 академическом году им было сделано два доклада: «Из жизни и верований пермяков Иньвельского края» и «Системы родства у зырян и пермяков»².

Работы ученого были одобрены в научных кругах. В 1907 г. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии вручило В.П. Налимову большую серебряную медаль «во внимание к его ценным работам по антропологии и этнографии зырян и в благодарность за доставленные Обществу лично собранные научные материалы о зырянах»³. В 1910 г. Общество присудило В.П. Налимову премию имени великого князя Сергея Александровича, московского градоначальника и генерал-губернатора, дяди императора Николая II за рукописный труд «Материалы по этнографии зырян и пермяков». Премия была учреждена в 1892 г. в память международных научных конгрессов. Она переходила от одного отделения к другому. Размер премии — 100 рублей. Премия присуждалась в следующих номинациях: а) за самостоятельные научные исследования по духовному и материальному быту славянского и инородческого населения России; б) за научные этнографические труды руководящего и методологического характера; в) за соби́рание материалов по духовному быту русского и инородческого населения России, приготовленных к научному изданию, а также за систематические — более полные коллекции предметов, иллюстрирующих быт населения России. В.П. Налимов получил премию за соби́рание материалов по духовному

быту русского и инородческого населения России.

Как писал рецензент, московский этнограф А.Н. Максимов, «материалы В.П. Налимова представляют серьезный вклад в дело изучения зырян и пермяков, литература о которых, особенно о первых, очень небогата. Некоторые же отдельные, но очень важные вопросы зырянской этнографии обработаны им с надлежащей полнотой и отчетливостью. Собрание всех этих материалов требовало значительного труда и усилий, несомненно, заслуживающих поощрения. Наиболее соответствующей формой такого поощрения и является присуждение В.П. Налимову премии имени вл. князя Сергея Александровича»⁴.

После окончания университета В.П. Налимов сначала преподавал в гимназии г. Дмитрова, а с 1914 г. — в Нижнем Новгороде, сначала в реальном училище, а затем в университете. Он занимал должность профессора по кафедре географии и антропологии. В одном из писем В.П. Налимов также упоминает, что в это время состоял профессором Института народного образования⁵. Несколько ранее, в 1916–1917 гг., В.П. Налимов оканчивает магистратуру при Казанском университете и после защиты магистерской диссертации получает звание приват-доцента.

В 1922–1925 гг. работал профессором земледения во Втором медицинском государственном университете, одновременно — профессором Медико-педологического института. Имеются сведения о том, что он читал лекции и в Московском государственном университете (МГУ): «Член Антропологического отдела В.П. Налимов получил новое назначение в Москве. Он занял должность преподавателя финской этнографии на

¹ Отчет о деятельности этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1908/1909 академический год // ЭО. 1907. Вып. 3. С. 182.

² Отчет о деятельности этнографического отдела ИОЛЕАЭ за 1909/1910 академический год // ЭО. 1910. Вып. 3–4. С. 264.

³ ЭО. 1908. Вып. 1–2. С. 228.

⁴ Отзыв А.Н. Максимова о «Материалах по этнографии зырян и пермяков В.П. Налимова, представленных на соискание премии имени Великого князя Сергея Александровича» // ЭО. 1910. № 4. С. 263–268.

⁵ Котылева И.Н. Выставка «Неизвестный Налимов»: штрихи к портрету ученого // Музеи и краеведение Сыктывкар, 2004. С. 25. (Тр. Национал. музея Республики Коми. Вып. 5.)

факультете общественных наук МГУ»¹. В 1924–1928 гг. — ученый специалист Тимирязевского государственного научно-исследовательского института изучения и пропаганды основ диалектического материализма. Кроме того, В.П. Налимов преподавал в финно-угорской секции Научно-исследовательском институте по изучению народов Востока. В это же время он пытался стать профессором финно-угорской этнографии в МГУ. Сохранилось рекомендательное письмо профессора Казанского университета Бруно Адлера, в котором он положительно охарактеризовал вклад претендента в разработку проблем традиционной культуры финно-угорских народов². Но кафедра финно-угроведения в МГУ не была создана, и назначение не состоялось.

С 1928 по 1938 гг. — профессор Географического научно-исследовательского института при МГУ, где он являлся научным руководителем по географической таксономии и активно занимался топонимическими исследованиями. Когда В.П. Налимов обратился с просьбой о приеме его на работу в НИИ географии, то профессор А. Борзов, директор института, в своем выступлении сказал: «Заслушав заявление проф. Налимова о его желании перевестись в Географический НИИ при физмате 1 МГУ... Географический институт на своем заседании 15/IV с.г. единогласно признал переход проф. Налимова весьма желательным, так как работы его, особенно в последние годы, имеют значительный антропо-географический интерес; кроме того, среди членов и аспирантов Географического института многие интересуются изучением Европейского Севера и антропо-географией финских народностей, и консультация проф. Налимова в этих вопросах была бы очень ценна в подобных ра-

ботах института»³. Позднее В.П. Налимов продолжил полевые исследования: в Большеземельской тундре (1925), Башкирии (1926), Казахстане (1928), на Кольском полуострове (1929) и в Печорском крае (1930), Приуралье и Поволжье (1931), но, к сожалению, эти материалы были потеряны.

Но наряду с видимым благополучием была и другая сторона жизни ученого. В 1933 г. В.П. Налимов был арестован по «делу СОФИНа» — «Союза освобождения финских народностей»⁴. Ему, как и другим участникам, было предъявлено обвинение «в участии в широко разветвленной финно-угорской националистической антисоветской организации», целью которой было отторжение от СССР Севера Европейской части и той территории, на которой проживали финно-угорские народы, присоединение их к Финляндии и создание т.н. «Великой Финляндии» от Балтики до Урала. По этому делу были арестованы многие представители финно-угорской интеллигенции, например удмуртский ученый и поэт Кузубай Герд (К.П. Чайников), коми поэт и лингвист Илля Вась (**В.И. Лыткин**), крупнейший финно-угровед, чл.-корр. АН СССР Д.В. Бубрих, закрыт ряд научно-просветительских национальных организаций. Предполагалось, что руководило подрывной организацией Финское посольство в Москве во главе с Послом Хяксли. Ученый был приговорен к трем годам ссылки в Норильск. Но за него заступился П.Г. Смидович, зам. председателя ВЦИК СССР и председате-

³ Цит. по: Несанелис Д.А., Семенов В.А. Этнограф Василий Налимов... С. 276.

⁴ Куликов К.И. Удмуртская автономия. Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990. С. 97–171; Ророн А. Дело о так называемых финских шпионах в СССР в 1930-е годы // Studia Slavonica Finlandensia. Helsinki, 1992. Т. 9. S. 103–112; Кузнецов Н.С. «Дело», которого не было, или история «Союза освобождения финских народностей» // Удмуртия: массовые репрессии 1930–1950 годов. Исследования. Документы. Ижевск; Москва, 1993. С. 31–38; Терюков А.И. Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х — в начале 1930-х годов // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997. С. 223–231.

¹ Хроника деятельности антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ за 1921/22 учебный год // Русский антропологический журнал. 1923. Т. 12. Кн. 3–4.

² Котылева И.Н. Выставка «Неизвестный Налимов»... С. 28.

ля Комитета Севера, а также другие партийные деятели. В первый раз В.П. Налимову удалось избежать наказания, приговор был отменен Прокуратурой СССР, он был освобожден и восстановлен на работе.

В 1938 г. последовал второй арест, на этот раз его арестовали как «участника контрреволюционной буржуазно-националистической организации в Коми АССР, проводившей борьбу с ВКП(б) и Советской властью»¹. Он был арестован в Москве в августе 1938 г. и этапирован в Сыктывкар. Фактически по этому делу была ликвидирована большая группа партийно-советских работников, которые устанавливали в Коми крае советскую власть и осуществляли экономическое и культурное развитие края, а также представителей коми культуры и науки². Вместе с ним были арестованы *Г.А. Старцев*, *А.С. Сидоров*, *А.А. Чеусов* и др. В.П. Налимову было предъявлено обвинение по статье 58, пункт 10, часть 1 и статье 58, пункт 11 УК РСФСР. Ему инкриминировались борьба с советской властью, шпионаж в пользу Германии и Финляндии.

Обзор основных обвинений против него приводит В.А. Семенов³. Однако следует уточнить следующий момент. В.А. Семенов в своих работах упоминает финского этнографа *У.Т. Сирелиуса*, коллегу и хорошего знакомого В.П. Налимова, длительные контакты с которым стали частью обвинения в шпионаже. Это ошибочное утверждение: У.Т. Сирелиус никогда не был министром просвещения Финляндии (как полагает В.А. Семенов), он не занимался политической деятельностью. В конце 1938 г. В.П. Налимов был осужден и отбывал наказание в лагере в Коми АССР.

Он несколько раз писал о своей невинности, но безрезультатно. Не дождавшись пересмотра дела, В.П. Налимов умер 28 декабря 1939 г. в тюрьме. Так трагически закончилась жизнь крупного коми ученого⁴.

Этнографией коми В.П. Налимов серьезно занялся в 1907 г., когда сопровождал в поездке по Коми краю финского этнографа *У.Т. Сирелиуса*. Путешествие и работа под руководством крупнейшего финноугроведа оказали на начинающего ученого неизгладимое впечатление. Позднее В.П. Налимов использовал его методологические установки при проведении своих полевых исследований. Под руководством У.Т. Сирелиуса была создана программа-вопросник, по которой В.П. Налимов работал самостоятельно и на основе которой был собран материал, позднее отправленный в Гельсингфорс Финно-угорскому обществу. Совместно оба ученых совершили 4-месячное путешествие на Север. Собранные материалы В.П. Налимов положил в основу первых публикаций. Начиная с первых статей, В.П. Налимов показал себя как талантливый исследователь, великолепный знаток всех сторон жизни народа коми. Особенно много он сделал для изучения духовной культуры народа, в первую очередь мифологии, а также семейных обрядов и обрядов жизненного цикла. Его статьи в этой области, написанные в 1903–1910 гг., представляют огромную научную ценность, так как «*В.П. Налимов, как природный зырянин, с детства росший среди зырян, свободно владеющий зырянским языком и до сих пор сохранивший много личных связей с зырянами, находится в особо благоприятных условиях. Он имел возможность проникнуть в такие интимные сторо-*

¹ *Налимов В.В.* Канатоходец... С. 70–77.

² Они любили край родной. Сыктывкар, 1993; *Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Профессор В.П. Налимов, «финский шпион» // Родники Пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. 4. С. 195–196.

³ *Семенов В.А.* Пути «инородца» в России царской и советской // Арт-Лад. Сыктывкар, 2000. № 1. С. 120–121; *Он же.* Жизнь и смерть профессора Налимова // Мыслители — выходцы из коми: В.П. и В.В. Налимовы. Сыктывкар, 2001. С. 12–17.

⁴ Последние работы *В.П. Налимова* по этнографии: К этнологии Коми // Коми му. Усть-Сысольск, 1924. № 3. С. 43–50; К материалам по истории материальной культуры Коми // Коми му. 1925. № 2 (12). С. 15–19; № 3 (14), С. 59–68; № 5 (15). С. 23–30; Роль малых народов на фоне общечеловеческой культуры // Вотяки. Сборник по вопросам этнологии, быта и культуры вотяков. М., 1926. С. 1–8; Священные рощи удмуртов и мари // Охрана природы. 1928. Т. 1. № 4. С. 6–8.

ны народной жизни и верований, куда доступ постороннему наблюдателю очень труден»¹.

В работе «Загробный мир по верованиям зырян» зафиксировано большое количество сведений, как о загробном мире, так и о похоронных обрядах коми-зырян. По сути, это единственная специальная статья по мифологии загробного мира коми. Похоронные обряды играли важную роль в обрядовой жизни коми-зырян, так как являлись, по сути, переходными, обеспечивающими благополучный переход человека после завершения своей жизни на этом свете в мир предков. Процесс перехода имел большое значение для оставшихся в этом мире людей. Ибо знание и должное выполнение всех предписаний обеспечивает благополучие как умершего сородича, перешедшего в разряд предков, так и живых. Описанию этой коллизии посвящена существенная часть работы.

Следующая работа В.П. Налимова по данной теме вышла в 1908 г. в Хельсинки на немецком языке и лишь недавно была опубликована в русском переводе — «К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян»². В данной статье В.П. Налимов, в противовес рассуждениям своих предшественников — Н.И. Смирнова и К.А. Попова³, писавших о достаточно большой сексуальной свободе у коми-зырян и коми-пермяков, раскрывает широкую картину своеобразной сексуальной морали у коми, которая, с одной стороны, регулировала отношения между полами в физическом плане, а с другой — регламентировала ряд моментов во всех семейных обрядах: рождении — свадьбе — похоронах. Благодаря обилию личных наблюдений автора данная работа не утратила своего значения до настоящего времени.

Значительный интерес представляют и те материалы В.П. Налимова, которые были

представлены на соискание премии имени вл. князя Сергея Александровича. Согласно отзыву рецензента они состояли из 8 тетрадей с 147 страницами текста и 1 рисунка, отдельной статьи в 50 страниц и 3 листов чертежей, а также необработанного материала в 129 конвертах, содержащих 1084 листов с записями⁴. Местонахождение данных материалов в настоящее время неизвестно. (Они не обнаружены в Сыктывкаре, где находится часть архива В.П. Налимова⁵; в семейном архиве сына; в фонде Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, хранящемся в архиве Института этнологи и антропологии РАН в Москве.)

Тем более значимо собрание, которое было представлено В.П. Налимовым в Финно-угорское общество в Хельсинки⁶. В 1989 г. я имел возможность просмотреть эти записи. В марте-апреле 1995 г. благодаря финансовой поддержке Международного научного фонда «Культурная инициатива» (фонд Сороса), предоставившего мне грант для поездки в Хельсинки, я смог детально и тщательно ознакомиться со всей коллекцией В.П. Налимова⁷. Так как сами материалы являются собственностью Финно-угорского общества (оно оплачивало экспедиции В.И. Налимова), то мне не разрешили их ксерокопировать, но было позволено сделать отдельные выписки и общее описание материалов. Все это позволяет сопоставить сохранившиеся и несохранившиеся сведения (по приведенным А.Н. Максимовым описаниям)⁸.

⁴ Максимов А.Н. Отзыв... С. 264.

⁵ Государственный архив Республики Коми. Ф. 1010, № 79 «Личные документы и переписка В.П. Налимова».

⁶ Архив Финно-угорского общества, Хельсинки. Номера хранения: 1.38, 1.39, 1.40, 1.41, 1.42.1, 1.42.2, 1.42.3, 1.42.4.

⁷ Об этом см.: Терюков А.И. Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 3 С. 130–135: *Он же*. Рукописный фонд В.П. Налимова в архиве Финно-Угорского общества // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск. 2010. С. 144–147.

⁸ Подробное описание материалов В.П. Налимова в Хельсинки вызвано не только их огромным научным

¹ Максимов А. Н. Отзыв... С. 268.

² *Nalimov V. Zur Frage nach den ursprünglichen Bezeichnungen bei den Syrjänen // JSFO. № 25. 1908. S. 1–31; Русский перевод см. в кн.: Семья и социальная организация финно-угорских народов (Тр. ИЯЛИ. Вып. 49). Сыктывкар, 1991. С. 5–25.*

³ *Смирнов И.Н.* Пермяки. Историко-этнографический очерк...; *Попов К.А.* Зыряне и зырянский край...

Часть хельсинкских материалов представляет собой связный текст (статьи), посвященный определенному разделу духовной культуры коми. Они объединены под учетным номером 1.38 и представляют собой 4 тетради рукописей и 1 тетрадь машинописи, подписанные В.П. Налимовым. Всего в них 312 страниц (по нумерации автора — 151 лист).

Тетрадь I озаглавлена «ПЕЖ и УРЕС» и посвящена описанию греховной и заразной субстанции в «естественной философии зырян», некой заразы, которой подвергаются мужчина и женщина при половой жизни. ПЕЖ — это не имеющее образа и формы вещество, которое часто оказывает вредное действие на нарушителя морально-этических норм коми. Описываются как сами нормы, так и последствия воздействия ПЕЖа и способы лечения от этой заразы. Рукопись не завершена, так как есть приписка автора: «Продолжение следует» (которое отсутствует). Похожая рукопись была передана В.П. Налимовым в этнографический отдел ОЛЕАЭ¹. Частично эти материалы вошли в его статью «К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян».

Тетрадь II имеет название «ПЕЛЬ ВУН-ДАЛЫСЬ» (дословно — обрезающий ухо) и посвящена особому виду женского колдовства, которое совершается путем обрезания уха домашних животных, в первую очередь у коровы. Подобная тетрадь также была представлена в Москву.

Тетрадь III озаглавлена «ВОМИДЗ. КОМИ ВОЙТЫРЛÖН» (дословно — порча, сглаз). В ней В.П. Налимов пишет о существовании у коми особого вида непредумышленной порчи — сглазе — и способах борьбы

значением. К сожалению, часто о трудах В.П. Налимова пишут не соответствующие действительности вещи. Так, Д.А. Несанелис в своей статье «Встречи и переписка с Василием Васильевичем Налимовым» пишет о фундаментальном трехтомном труде «Материалы по этнографии зырян и пермяков», что не соответствует действительности. Это вызвано незнанием фактического материала. На самом деле речь идет о записях, собранных в конвертах по отдельным разделам.

¹ Максимов А.Н. Отзыв... С. 265.

с ней. Подобные записи были представлены в Москву.

В тетради IV рассматриваются моча и кал как вещества, употребляемые в колдовстве. Этих записей не было в московских бумагах, подобных сведений нет и у других авторов, вследствие чего этот фрагмент рукописи В.П. Налимова представляет особый интерес.

Тетрадь V озаглавлена «КЕРНЫ» (дословно — нанести вред, напустить порчу, околдовать) и посвящена разнообразным вариантам колдовской практики у коми, в частности при родах, свадьбе и похоронах. В Москве существовали четыре тетради, объединенные этим термином, в Хельсинки же оказалась всего одна.

Следующая часть хельсинского собрания — это две большие папки, озаглавленные как материалы по коми этнографии (шифр 1.39 и 1.40), которые содержат 2484 листов различного размера записей В.П. Налимова по коми этнографии, фольклору, языку, топонимике (согласно А.Н. Максиму в Москве было всего 1087 листов подобных записей). Эти записи представляют колоссальный интерес для исследователей благодаря описанию живого народного быта, в частности, народных верований, семейной обрядности коми, обычного права и т.д. На этом сходство московских и хельсинкских материалов заканчивается.

Однако в Хельсинки имеются и другие материалы. Это рукопись статьи «К вопросу о первобытных отношениях полов у зырян» (шифр 1.41, о ней см. выше). Рукопись статьи «Эволюция некоторых элементов морали Коми в связи с генезисом двух зырянских заповедей ЕН МАЙБЫРТ — ЕН КОНЕРТ», 35 страниц (шифр 1.42.1.), подписана: «профессор В.П. Налимов». Не датирована, машинопись. Есть приписка о ее подготовке к публикации в сборнике в честь профессора Ю. Вихмана, но там она не опубликована². Интересная статья об основах традиционной морали коми «Не называй никого счастливым,

---

² Juhlakirja Yrjö Wichmannin kuusikymmenvuotispäiväksi // MSFOu. Vol. 58. 1928.

не называй никого несчастливым, жалким. Тогда ты никого не сглазишь». В ней представлено большое количество сведений о магии и колдовстве вообще, об охотничьей магии, сглазе и т. д., в том числе в обрядах жизненного цикла. Следующая работа озаглавлена как «Тотемизм восточных финнов Пермской группы», 10 стр. (шифр. 1.42.2). Машинопись с авторскими исправлениями. Не датирована. Интересная по подбору материала, но во многом весьма спорная работа. Кроме того, под шифром 1.42.3 и 1.42.4 имеются два письма В.П. Налимова на имя профессора К.Ф. Карьялайнена с кратким отчетом о проделанной экспедиционной работе в 1908 г. и два вопросника, по которым он работал в поле. К сожалению, в Хельсинки отсутствует большая статья, посвященная номенклатуре родства у коми, которая упоминается А.Н. Максимовым.

В своих последних работах В.П. Налимов с методологической точки зрения выступает как сторонник географического детерминизма в становлении народной культуры. Например, высказывая мнение о становлении культуры народа коми, ученый пишет, что «*быт и весь уклад того или иного народа определяются внешней средой, географическим фактором*»¹. Наиболее полно эта методология отражена в его работе «Одежда, украшения и их возникновение», которая была опубликована в наши дни². В ней присутствуют, с одной стороны, ссылки на Ф. Ратцеля, немецкого ученого, основателя европейской антропогеографической школы, а с другой стороны, высказывания Б.Ф. Адлера, который был одним из наиболее ярких сторонников Ф. Ратцеля в России³.

Следует остановиться еще на одном вопросе — о заочной дискуссии между В.П. Налимовым и Д.К. Зелениным, материалы о которой были введены недавно в научный

оборот⁴. Речь идет замечаниях Д.К. Зеленина об этнографических работах профессора В.П. Налимова, обнаруженных В.Э. Шараповым в архиве Д.К. Зеленина. Речь идет о рукописи «Тотемизм удмуртов и коми». Сама она не найдена, но есть его высказывания о ней. Мне бы хотелось отметить то, что публикаторы не обратили внимания на небольшое несоответствие. Рукопись в Хельсинки называется несколько иначе — «Тотемизм восточных финнов пермской группы». Возможно, у В.П. Налимова был другой вариант подобной статьи, как она оказалась у Д.К. Зеленина и куда делась, неизвестно.

Внимание Д.К. Зеленина привлекло название статьи, в которой присутствует слово тотемизм. Ученый был увлечен теорией тотемизма и посвятил этому несколько сочинений, он играл важную роль в его теории становления религии, в которой выделялись им три стадии — тотемизм, культ онгонов, шаманизм⁵. И если Д.К. Зеленин видит в статье В.П. Налимова материалы, свидетельствующие о существовании тотемизма у коми, то сам автор в своем ответе пытается уйти от этого понятия, он больше говорит о культе животных, который, по его мнению, может быть связан с тотемизмом.

Авторы публикации ставят вопрос о том, получил ли Д.К. Зеленин ответ, ибо в его архиве нет оригинала ответа В.П. Налимова.

В.П. Налимов был выдающимся исследователем традиционной культуры народов

⁴ Шарапов В.Э. Из эпистолярного наследия коми этнографа В.П. Налимова // Финно-угры — славяне — тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск, 2009. С. 458–464; Семенов В.А., Шарапов В.Э. Д.К. Зеленин о работах В.П. Налимова // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск, 2010. С. 319–326.

⁵ Об этом см.: комментарии Т.Г. Ивановой к статье Д.К. Зеленина «Идеологическое перенесение на диких животных социально-родовой организации людей», опубликованной в книге: Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1935. М., 2004. С. 270–274. Обзор различных взглядов на проблему тотемизма см.: Дмитриева Т.Н. Современное состояние проблемы тотемизма // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1981. С. 54–72.

¹ Налимов В.П. К материалам по истории материальной культуры коми // Коми му. 1925. № 2. С. 15.

² Налимов В.П. Одежда, украшения и их возникновение // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 3. С. 133–145.

³ Тома Л.Я. Бруно Фридрихович Адлер (1874–1942) // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 136–145.

коми. В течение длительного времени ученые не отдавали ему должного, просто упоминая его имя¹. В советское время единственную оценку научного наследия В.П. Налимова, и то отрицательную, дал Ю.В. Гагарин. Он полагал, что точка зрения В.П. Налимова о соотношении у коми древнего язычества и православного христианства «отражала общую тенденцию представителей буржуазно-националистического течения, которое в 20-е годы охватило часть советской интеллигенции»². Сегодня такая оценка выглядит излишне резкой и не вполне справедливей. Задача современных исследователей — восстановить доброе имя В.П. Налимова. В настоящее время В.П. Налимов занял свое место в истории этнографии народа коми как один из крупнейших исследователей традиционной культуры этого народа. Ведь еще до революции его материалы активно использовались многими исследователями, в частности финскими. Например, *Уно Харва-Холмберг* широко использовал их при написании диссертации, впоследствии изданной в качестве монографии «Водяные божества финских народов»³. Недавно появилась публикация о материалах по этнографии коми-пермяков в хельсинском собрании В.П. Налимова⁴. Кроме того, некоторые материалы приведены в электронной энциклопедии «Налимовские чтения», подготовленной в Сыктывкаре в 2005 г.

¹ См., например: *Терюков А.И.* История изучения погребального обряда коми-зырян // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы Института этнографии в X пятилетке. Л., 1983. С. 79–80.

² *Гагарин Ю.В.* История религии и атеизма народа коми. М., 1978. С. 22.

³ *Holmberg-Harva Uno.* Die Wassergottheiten der Finisch-ugrischen Völker // MSFOu. 1913. Vol. 32. Об этом см.: *Шаранов В.Э.* Материалы В.П. Налимова по традиционному мировоззрению коми в исследованиях европейских финно-угроведов первой половины XX века // Арт-Лад. Сыктывкар, 2000. № 1. С. 144–146.

⁴ *Чагин Г.Н.* В.П.Налимов и этнография иньвенских коми-пермяков // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск; Сыктывкар, 2010. С. 147–166.

Рассматривая вклад России в мировую цивилизацию в уходящем XX столетии, можно смело говорить о том, что, несмотря на все катаклизмы и трагедии, он существен. В анналы мировой истории было вписано значительное количество имен, деятельность которых существенно способствовала развитию науки, техники и культуры человечества. Одной из таких знаковых фигур является *Питирим Александрович Сорокин* (1889–1968), основоположник современной социологии как отдельной ветви гуманитарной науки. Его жизнь является воплощением традиционной «американской мечты». Потеряв в 1922 г. при высылке из СССР все, что у него было: работу, книги, рукописи и т.д., позднее в США он благодаря своим знаниям, упорству, труду стал научной элитой на новой родине, учителем всех крупнейших социологов западного мира. В последние годы имя этого замечательного человека, долгие годы известное только узкому кругу специалистов, было возвращено на Родину. Начали издаваться многие его фундаментальные сочинения в переводе на русский язык, некогда вызывавшие бурные дискуссии, проводятся конференции, посвященные его памяти и идеям⁵. Также увидела свет его биография на русском языке⁶. Многие работы П.А. Сорокина, например «Человек и общество в бедствии», актуальны и сегодня в современной России. Последняя работа, опубли-

⁵ *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; *Он же.* Преступление и кара, и наказание и награда. СПб., 1999; *Он же.* Social and cultural dynamics. N.Y., 1937–1941. Vol. 1–4. Перевод: Социальная и культурная динамика. СПб., 2000; *Он же.* Из истории русской общественной мысли. СПб., 2000; *Он же.* Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000; *Он же.* Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. СПб., 2003.

⁶ *Голосенко И.А.* Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991; *Кротов П.П., Липский А.В.* Пути-дороги «большого человека» // Родники Пармы. Сыктывкар, 1990; *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин. Страницы жизни. СПб.; Архангельск, 1992; *Он же.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1. (1889–1922). Архангельск, 2008. *Санов В.В.* «Творческая эволюция» П.А. Сорокина // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.

ликованная в Америке в 1942 г., посвящена рассмотрению событий 1918–1922 гг. в России, раздираемой Гражданской войной, эпидемиями и голодом. В ней автор дает блестящий анализ явлений, сопровождающих эпоху кризиса. Эта книга содержит глубокий анализ причин, закономерностей, типичных последствий войн и революций, катастроф и конфликтов, их влияния на человека и общество. Но ученый не ограничивается их рассмотрением, а предлагает пути выхода из бедствий. По его мнению, бедствия — это не только зло, но в какой-то степени и благо. Нанося разрушения, пагубно влияя на человека и общество, они вместе с тем, как это ни парадоксально, играют конструктивную роль в истории культуры, стимулируя созидательную деятельность человечества. Бедствия неизбежны. Человек может их усилить или достойно выйти из них, и зависит лишь от него, какой выбрать путь.

Для многих людей на Западе выходцы из России — олицетворение русской культуры. Но они часто не подозревают, что, по сути, русская культура многонациональна. Ибо, будучи государством многоэтничным, в России веками складывалась культура, которая была следствием взаимодействия многих национальных традиций и индивидуальной деятельности представителей различных народов, населявших бескрайние просторы Российской империи. Несмотря на сословный характер российского общества, талантливые люди из инородцев (термин употребляется для обозначения всего нерусского населения России, как это было принято до революции) часто оказывались в числе представителей царской администрации, деятелей культуры и искусства. Кстати, позднее, уже в зрелом возрасте, П.А. Сорокин опубликовал одну из своих фундаментальных работ — «Социальную и культурную динамику», в которой проанализировал различные аспекты социальной стратиграфии и возможные механизмы изменения социального статуса человека в различные периоды существования человечества¹.

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.

Судьба П.А. Сорокина, родившегося в коми-зырянской тайге, отражает сложный культурно-исторический процесс. В книге своих беллетристических воспоминаний «Долгий путь», изданных в США, в достаточно красочной форме, как это было принято на Западе, он показал свой путь, который он прошел от выходца из коми-зырянского села Турья до руководителя кафедры Гарвардского университета².

П.А. Сорокин родился 23 января 1889 г. в небольшом селении Турья, на берегу священной для коми народа реки Вымь. Недалеко от места его рождения в 1379 г. начал проповедь Священного Писания среди коми великоустюгский монах Стефан Храп, ставший в 1380 г. первым православным епископом Коми края под именем *Стефан Пермский*. Выходцем из Великого Устюга был и отец нашего героя, А.П. Сорокин, «золотых, серебряных и чеканных дел мастер», ремесленник, который занимался изготовлением церковной утвари, ремонтом храмов. Впоследствии П.А. Сорокин несколько раз пересекался с этим городом. Нарекли мальчика в честь одного из местночтимых пермских святителей, четвертого Пермского епископа Питирима, деятельность которого проходила недалеко, во «*владычном городке*» Усть-Выми в 1444–1455 гг., память которого праздновалась Русской православной церковью 29 января. Мальчик очень рано потерял мать и фактически воспитывался теткой по матери, в простой коми крестьянской семье. В десять лет он остался без отца. Позднее в одном из своих писем он прямо называет себя зырянин³.

В 1901 г. недалеко от отчего дома он окончил церковно-приходскую школу, после этого поступил в двухклассную школу в с. Гам, где завершил обучение в 1904 г. Тяга к знаниям

² Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991.

³ Это письмо было отправлено ученым редактору издательства «Посредник», который пытался издать серию книг «Народы всего мира», и П.А. Сорокин готов был написать для нее о зырянах. Цит. по: Дойков Ю.В. Человек вне сезона... С. 76–77.

и успехи в обучении позволили ему поступить за казенный счет в церковно-учительскую школу в с. Хреново Костромской губ. Именно в Хренове Питирим знакомится с эсерами, политической партией, с которой он будет связан до конца 1918 г. Но это знакомство помешало ему окончить школу, так как он был изгнан из нее по политическим причинам. В декабре 1906 года он был задержан в Кинешме уездным исправником за революционную пропаганду и четыре месяца провел в местной тюрьме¹. П.А. Сорокин был вынужден вернуться домой. Но в этот момент судьба преподнесла ему щедрый подарок.

В 1907 г. молодой парень знакомится с выдающимся коми просветителем, философом, этнографом, писателем *Каллистратом Жаковым*, который в это время занимался этнографическими и статистическими исследованиями Коми края. К.Ф. Жаков, выходец из Коми края, к этому моменту был достаточно известным человеком на Русском Севере. Эта встреча и совместное путешествие по Выми и верхней Печоре изменили планы и весь образ жизни нашего героя. П.А. Сорокин вместе с К.Ф. Жаковым отправляется в Петербург. В столице он сначала учился на Черняевских курсах, затем сдал экстерном экзамены за курс классической гимназии в Великом Устюге. Вообще Вологодский край сыграл важную роль в становлении П.А. Сорокина как ученого и общественного деятеля². В 1909 г. он становится студентом Психоневрологического института, первого в России частного, внесловного негосударственного высшего учебного заведения, основанного выдающимся психиатром В.М. Бехтеревым³. Прощение П.А. Сорокина было датировано 3 августа 1909 г. Но он не смог оплатить учебу, и внес

лишь 30 руб. из необходимых 75 руб. за семестр. Лишь письменная гарантия, данная *К.Ф. Жаковым*, позволила ему начать учебу⁴. В апреле 1911 г. П.А. Сорокин забрал свои документы из института «в виду того, что вследствие невзноса платы за право учиться я принужден выбыть из Института, честь имею просить канцелярию Института выдать мне мои документы»⁵.

В 1910 г. он на общих основаниях поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета⁶. Его прошение о приеме в университет датировано 5 июля 1910 г.⁷ Представляет интерес его свидетельство о зрелости с указанием полученных отметок при сдаче экзаменов экстерном: он получил 5 «отлично» и 6 «хорошо»⁸. К делу также приложено свидетельство о политической благонадежности, выданное Управлением Санкт-Петербургского градоначальника, имеющее помету «Секретно». Именно в университете под влиянием таких крупных ученых, как социолог М.М. Ковалевский, юрист Л. Петражицкий, экономист М.Н. Туган-Барановский, историк М.Н. Ростовцев, философ Н.О. Лосский, формируются его научные интересы. Историю русского права он слушал у В.Н. Латкина, внука своего земляка *В.Н. Латкина*. Интересно, беседовали ли они о судьбах Коми края вовремя своих встреч на лекциях⁹. 8 марта 1914 г. П.А. Сорокин получает свидетельство об окончании университета: «*Предъявитель сего, П.А. Сорокин, православного вероисповедания, мещанин, родившийся 23 января 1889 г., был принят по свидетельству зрелости гимназии г. Великого Устюга от 4 июня 1909 г. за № 340 в число студентов С.-Петербургского университета в июле*

¹ Дойков Ю.В. Человек вне сезона... С. 23–25.

² Панов Л.С. «Жизнь движется и в Вологде». Питирим Сорокин в общественной жизни Вологды // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 181–202.

³ Психоневрологический институт. Личное дело № 366. 1909–1910 учебный год. Питирим Александрович Сорокин // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 115, оп. 2, д. № 8799.

⁴ Карточка-записка К.Ф. Жакова // Там же. Л. 7–8.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Личное дело студента Санкт-Петербургского университета Питирима Александровича Сорокина // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. № 56272.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Об студенческих годах и учителях П.А. Сорокина см.: Дойков Ю.В. Человек вне сезона... С. 34–38.

1910 г. и зачислен на юридический факультет, на котором слушал курсы: по Истории римского права, Догме римского права, Истории русского права, Государственному праву, Церковному праву, Политическому праву, Политической экономии, Статистике, Гражданскому праву и Судопроизводству, Торговому праву и Судопроизводству, Уголовному праву и Судопроизводству, Финансовому праву, Международному праву, Энциклопедическому праву, Истории философии и по выполнению всех условий, требуемых правилами об зачете полугодий, имеет 8 зачетных полугодий. В удостоверение сего на основании статьи 77 Общего устава Императорского Российского университета от 23 августа 1884 г., выдано это свидетельство от юридического факультета за положенными подписями и с приложенной университетской печати»¹.

П.А. Сорокин, начиная как этнограф, исследователь традиционных народных верований и семейно-брачных отношений у коми, чему были посвящены его первые публикации, постепенно увлекается социологией. В начале XX в. социология бурно развивалась, определяла предмет своего исследования, методы и практику. В это время в России социология во многом противопоставлялась марксизму, ибо социологи активно искали методы и схемы преобразования страны иными, нежели марксистскими, средствами и способами. Будучи студентом, он начинает публиковать научные и популярные статьи.

И.А. Голосенко пишет, что во время учебы в университете П.А. Сорокин опубликовал более 50 работ по антропологии (точнее — этнографии), социологии, философии. К завершению обучения в университете Сорокин издает большую книгу «Преступление и кара, наказание и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали», которую позднее защи-

тил в качестве магистерской диссертации². В 1914 г., после окончания университета с дипломом первой степени, был оставлен при кафедре уголовного права и судопроизводства для подготовки к профессорскому званию³.

В деле сохранилась следующая характеристика: «П. Сорокин известен многим членам факультета как молодой человек, обладающий выдающимися умственными способностями, трудолюбием и любовью к науке. Уже на студенческой скамье он заявил себя в ряде напечатанных им работ. <...> Оставление Сорокина на факультете для подготовки к профессорству поможет выработать из него крупную научную силу»⁴.

В январе 1917 г. П.А. Сорокин стал приват-доцентом университета, что обеспечило ему профессорскую карьеру. Кроме того, на 1914/1915 гг. был избран ассистентом кафедры социологии Психоневрологического института. В это время среди его студентов были Михаил Кольцов (Михаил Фрилянд), Исаак Бабель. На март 1917 г. была назначена защита его магистерской диссертации.

Одновременно начинается общественная и партийная работа П.А. Сорокина, что привело к кратковременному аресту ученого в 1913 г. К Февральской революции он уже один из крупных эсеровских пропагандистов-публицистов, активно выступающий в печати с критикой царского режима. После Февральской революции П.А. Сорокин стал членом редакции газеты «Дело народа», созданной эсерами, спустя некоторое время оставил это издание и стал редактором газеты «Воля народа»⁵. Между февралем и октябрём —

² Об экзамене П.А. Сорокина на ученую степень магистра уголовного права // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, № 4605. О реакции российской научной общественности на эту книгу см.: Дойков Ю.В. Человек вне сезона... С. 68–78.

³ Дело об оставлении П.А. Сорокина при университете // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, № 10917.

⁴ Там же. П. 17, 21.

⁵ О политической и публицистической деятельности П.А. Сорокина после февраля 1917 г. см.: Дойков Ю.В. Человек вне сезона... С. 141–230.

¹ Дойков Ю.В. Человек вне сезона... Л. 8; Переписка о допуске П.А. Сорокина к экзаменам за университетский курс // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 27, д. № 667.

секретарь и советник А.Ф. Керенского, точнее — по его просьбе занял пост секретаря по проблемам науки во Временном правительстве¹. Между двумя революциями входил в состав Особого совещания по изготовлению проекта положения о выборах в Учредительное собрание. 2 января 1918 г. он был арестован и 57 дней провел в Петропавловской крепости как один из противников Советского правительства вместе с рядом членов Учредительного собрания, депутатом которого П.А. Сорокин был избран от крестьян Коми края. Но основной причиной ареста было участие П.А. Сорокина в работе в редакции газеты «Воля народа», стоявшей на эсеровских позициях.

После освобождения 23 февраля 1918 г. он уезжает сначала в Москву, а потом на Волгу. В мае 1918 г. принимает участие в заседании Совета партии социал-революционеров, который взял курс на вооруженную борьбу с большевиками. По заданию «Союза Возрождения России» он становится организатором антибольшевистского движения на Севере, в Вологде и Архангельске². В это время он осознал бессмысленность братоубийственной Гражданской войны и добровольно сдался советским властям. В родном Великом Устюге был приговорен к смертной казни. Здесь П.А. Сорокин 29 октября 1918 г. выступил со своим знаменитым политическим заявлением о выходе из партии эсеров, сложении звания члена Учредительного собрания, отказе от политической деятельности и призывом к соратникам по партии сделать то же самое³. Одновременно он заявил о намерении вернуться к научной деятельности.

Это письмо было замечено в Москве, а его автор был освобожден. Этому предшествовали публикации в газете «Правда» статьи В.И. Ленина «Ценные признания Пити-

рима Сорокина» и редакционной статьи «Отречение Питирима Сорокина»⁴. Существенную роль в решении этого конфликта сыграли его университетские товарищи, видные большевики Л. Пятаков, Л. Карахан, которые обратили внимание В.И. Ленина на опубликованное письмо П.А. Сорокина⁵. Интересен факт, что в Москве после освобождения П.А. Сорокина был устроен вечер, на котором присутствовал В.И. Ленин⁶. Это говорит о том, что власти придавали большое значение этому событию и пытались использовать его в пропагандистских целях.

Ученый вернулся в Петроград, его восстановили на работе в университете, где он основал факультет социологии и читал лекции. В это же время он публикует первое на русском языке обстоятельное пособие «Система социологии» в двух томах⁷. Из переписки с известным украинским социологом и обществоведом Н.Е. Шаповалом видно, что летом 1922 г. П.А. Сорокин готовился к командировке за границу: он был приглашен Иллинойским университетом в США. П.А. Сорокин по этому поводу писал Н.Е. Шаповалу: «Хочется года два-три побывать за рубежом и научно подковаться. <...> Тем более что наш опыт идет к концу и для социолога больше не интересен. Между тем через год-два предстоит огромная работа по возрождению России»⁸. 17 июля 1922 г. он радостно сообщил своему украинскому коллеге, что «по предложению университета командировку получил, оно подтверждено Наркомпросом и все документы отправлены в ГПУ»⁹.

⁴ Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 188–197; Отречение Питирима Сорокина // Правда. 1918. 20 нояб.

⁵ Дойков Ю.В. Человек вне сезона... С. 209–218, 221–223.

⁶ Информацию об этом см.: Правда. 1918. 22 нояб.

⁷ Сорокин П.А. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1–2.

⁸ Письма П.А. Сорокина к Н.Е. Шаповалу (1922–1931) // Сорокин П. Социология революции. М., 2005. Приложение 2. С. 551.

⁹ Там же. С. 553.

¹ Эти сведения в основном известны со слов самого П.А. Сорокина, документальных подтверждений нет.

² О этой деятельности подробно написано в книге Ю. Дойкова.

³ Письмо П.А. Сорокина в редакцию газеты // Крестьянские и Рабочие Думы. 1918. 29 окт.

Однако это было видимое благополучие. В глубине души П.А. Сорокин не принял новой идеологии и продолжал выступать в научных дискуссиях против нее. Так, в журнале «Экономист» появилась крайне резкая рецензия ученого на учебник «Теория исторического материализма» Николая Бухарина, молодого марксиста, которого высоко оценивал В.И. Ленин. Публикуются другие работы, в которых ученый выступает против практики и методов построения социализма¹. Одновременно в печати П.А. Сорокин резко критиковался как ученый². В конечном счете, П.А. Сорокин осенью 1922 г. оказался на борту т.н. «*философского парохода*», на котором советскую Россию были вынуждены покинуть многие известные люди. (Это условная формулировка, ибо П.А. Сорокин уехал из России по железной дороге, через Ригу³.)

История этой политической акции до недавнего времени была известна в общих чертах и основывалась лишь на мемуары высланных деятелей русской культуры, в том числе и П.А. Сорокина. Сегодня можно говорить об этом событии более подробно, уже основываясь на опубликованных материалах⁴.

¹ О публикациях этого периода см.: Библиография трудов П.А. Сорокина // Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000. С. 276–299.

² *Бормотов С.С.* Борьба советских ученых-марксистов против социологических идей П.А. Сорокина в первые послеоктябрьские годы (1917–1922) // Философские науки. 1971. № 3.

³ *Артизов А.Н.* «Очистим Россию надолго» (К истории высылки интеллигенции в 1922 г.) // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 72.

⁴ *Сапов В.В.* Высылка 1922 года: попытка осмысления // Социологические исследования. 1990. № 3; *Коган Л.А.* «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопр. философии. 1993. № 9; *Гловацкий М.Е.* «Философский пароход»: год 1922. Историкографические этюды. Екатеринбург, 2002; «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. / Вступ. ст. и комм. В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 126–170; *Макаров В.Г.* Архивные тайны: интеллигенция и власть. «Власть ваша, а правда наша» (к 80-летию высылки интеллигенции из советской России в 1922 г.) // Вопр. философии. 2002. № 10. С. 108–155; *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Пассажиры «философского парохода» (судьба интеллигенции, репрес-

К лету 1922 г. у руководства Советской России складывается мнение о том, что некоторые деятели науки и культуры саботируют распоряжения новой власти и, таким образом, являются противниками существующего в стране строя. Отрицание новой идеологии принимало различные формы. По заданию Политбюро РКП(б) советские спецслужбы составили «проскрипционные» списки, в которые были включены представители университетских и литературных кругов Петрограда, Москвы, Казани и других городов. 10 августа 1922 г. Политбюро утвердило список высылаемых лиц. В петроградском списке анти-советской интеллигенции, который насчитывал 49 человек, на первом месте стояла фамилия П.А. Сорокина; причем в этом списке он упоминается дважды, второй раз — как автор известного оппозиционного журнала «Экономист» под псевдонимом Н. Чадаев⁵. Список был подписан руководителями Петрограда — Л. Каменевым, Д. Курским и И. Уншлихтом. В отличие от московского списка, в котором давалась достаточно подробная характеристика каждому предложенному к высылке человеку и оценка его политической деятельности, в петроградском списке присутствовал лишь просто перечень фамилий⁶.

После ареста П.А. Сорокин, как и остальные привлеченные по этому делу люди, подписал следующий документ:

«ПОДПИСКА

Дана сия мною, гр[ажда]нином] Сорокиным Питирим Александровичем IV отд[елению] СОГПУ в том, что обязуюсь согласно постановления ГПУ в 10-дневный срок ликвидировать свои служебные и личные дела и выехать за свой счет за границу. По истечении срока перед отъездом обязуюсь с полученными документами явиться в IV отд[еления]

сированной летом–осенью 1922 г.) // Вопр. философии. 2003. № 7. С. 113–137; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. М., 2005.

⁵ Достаточно подробно перипетии высылки П.А. Сорокина описаны в: *Дойков Ю.В.* Человек вне сезона... С. 324–330.

⁶ *Артизов А.Н.* Очистим Россию надолго... С. 73.

СОГПУ нач[альнику] отд[еления] тов[арищу]
Зарайскому для сообщения времени отъезда.

Питирим Александрович Сорокин
13/9 [19]22 г.»¹

20 сентября 1922 г. ГПУ приняло по делу № 15962 в отношении П.А. Сорокина о выезде за границу следующее решение:

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 15962 о гр. Сорокине Питирим Александровиче

Арестован 19/9 1922 года, находится на свободе.

По наведенным справкам о прежней судимости в Уч[етно]-Р[азыскного] О[тдела] ГПУ не проходит.

1922 года августа _ дня. Я, сотрудник для поручений IV отделения СО ГПУ — Шешкен, рассмотрев дело за № 15962 нашел

что гр[ажданин] Сорокин Питирим Александрович

С момента Октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, при чем в моменты внешних для РСФСР затруднений, свою контрреволюционную деятельность усиливал.

А посему, на основании п. 2 лит. Е Положения о ГПУ от 6/11 с.г.:

В целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности Сорокина полагаю выслать его из пределов РСФСР ЗА ГРАНИЦУ БЕССРОЧНО.

Принимая во внимание заявление, поданное гр-ом Сорокиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд за границу за свой счет, для устройства личных и служебных дел дать 7 дней, с обязательством явки в ГПУ по истечении указанного срока и после явки немедленно выехать за границу.

Пом[ощник] Нач[альника] IV Отделения Шешкен

20/9–22

СОГЛАСЕН Зарайский

Андреева 21/9–22

Утверждаю Ягода 23/9–22»².

Однако это печальное событие было лишь началом его известности. Сначала он оказался в Германии, затем в Праге, позже по приглашению коллег переехал в США, где началась его преподавательская деятельность в Университете Миннесоты. Через несколько лет он осел в Гарварде, где и проработал большую часть своей жизни³. Именно здесь П.А. Сорокина ожидала мировая слава, он становится живым классиком. Он много работает, одна за другой выходят его книги, а ученики распространяют его идеи по всему миру⁴. Вскоре после приезда в США он прочитал цикл лекций по социологии русской революции, которые несколько позднее вошли в первую опубликованную им за рубежом книгу — «Социологию революции», в которой он выступил одновременно как наблюдатель и аналитик⁵. На Запа-

² ЦА ФСБ РФ. Д. № 47804, л. 4. Подлинник. Рукопись. Автограф. В этом документе имеется одна неточность, которую не отметил следователь: П.А. Сорокин арестовывался ВЧК и был судим. Это еще раз подтверждает, что дело в отношении него, как и в отношении других высланных, велось формально, решение было принято, и оно должно было быть исполнено.

³ До недавнего времени основной информацией о его жизни в эмиграции была автобиографическая книга П.А. Сорокина. В последнее время появились новые источники, в первую очередь его переписка, например уже с упоминавшимся выше Н.Е. Шаповалом, и воспоминания хорошо знавших его людей. По-новому на этот период жизни П.А. Сорокина позволяют взглянуть воспоминания В.Д. Лутохина, бывшего редактора журнала «Экономист»: Лутохин В.Д. Зарубежные пастьры // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1997. Вып. 22. С. 7–49. Некоторые новые сведения о личной жизни П.А. Сорокина в Америке присутствуют в недавно опубликованных воспоминаниях жены и сына: Сорокина Е. Моя жизнь с Питиримом Сорокиным // Арт-Лад. Сыктывкар, 2004. № 1. С. 98–125; Сорокин С. Жизнь с Питиримом Сорокиным. Воспоминания младшего сына // Там же. С. 126–154.

⁴ Zimmerman C.C. Sociological Theories of Pitirim A. Sorokin. Bombay, 1973; Idem. Sorokin. The World's Greatest Sociologist. Saskatoon, 1968; Johnston B.V. Pitirim A. Sorokin. An Intellectual Biography. Lawrence, 1995.

⁵ Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. Phil.; L., 1925. Русский перевод: Сорокин П. Социология революции. М., 2005.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. № 47804, л. 2. Подлинник. Рукопись. Автограф.

де это был первый опыт исследования событий, произошедших в России и приведших к падению царизма, изданный на английском языке. Проведя анализ русской и еще 70 революций, П.А. Сорокин нарисовал схему революционного процесса, выделив три больших этапа. На первом этапе наблюдается динамичный (социальный, интеллектуальный, эмоциональный) протест против власти, который в итоге приводит к ее низложению. В ходе второго этапа происходит перестройка социальной структуры общества, сопровождаемая насилием, кровопролитием и террором. На третьем — люди, общество, уставшее от катаклизмов и потрясений, ищет порядка и стабильности, в результате чего происходит восстановление новой социальной структуры со всеми атрибутами. Позднее многие из выводов вошли в другую его работу — «Социальную и культурную динамику», в которой он проанализировал революции и войны (религиозные, этнические, крестьянские, гражданские, мировые и прочие), случившиеся за последние 2000 лет мировой истории. П.А. Сорокин, хотя и рассматривал болезненную для себя тему, из-за которой он вынужден был покинуть Родину, оставался объективным. У него мы не найдем злобных антисоветских выпадов, хотя он и не разделял марксистской идеологии. Не участвовал он и в различных антисоветских организациях, которые или призывали, или предпринимали попытки свержения советской власти. Из переписки с Н.Е. Шаповалом видно, что он не оставлял надежды на возвращение на Родину. Например, в одном из писем 1925 г. он писал, что *«оставаться в Америке, я, конечно, не думаю навсегда. С изменением обстоятельств в России вернусь туда. Родина есть родина»*.

Более того, он в 1950–1960 гг. был одним из создателей т.н. «теории конвергенции» — теории, которая усматривала в общественном развитии современного общества тенденцию к сближению двух социальных систем — капитализма и социализма с их последующим синтезом в некое «смешанное общество», сочетающее положительные черты и свойства каждого из них. Эта теория основывалась на

одной из главных научных идей П.А. Сорокина, суть которой заключалась в следующем: XX век — это эпоха кризиса, процесс перехода суперсистемы (мира, многих обществ) от чувственного к умозрительному мировоззрению, сопровождаемый длительным периодом социальных и культурных потрясений.

Как было выше сказано, П.А. Сорокин начинал свою научную карьеру как этнограф, исследователь традиционной культуры коми-зырян¹.

На становление Сорокина-исследователя большое влияние оказал Максим Максимович Ковалевский, крупнейший российский ученый-гуманитарий начала XX в. П.А. Сорокин впоследствии широко применял его методологию. М.М. Ковалевский — создатель т.н. генетической социологии, направления, занимающегося изучением зарождения, становления и развития различных общественных институтов². Он рассматривал социологию как науку о социальных организмах и изменениях, призванную выявлять законы, управляющие социальными процессами. В изучении этих процессов он активно использовал сравнительно-исторический и сравнительно-этнографический методы. М.М. Ковалевский в своих этнографических работах подчеркивал тесную связь между этнографией и психологией, а фольклор рассматривал как ценней-

¹ *Микушев А.К.* Роль Питирима Сорокина в становлении коми-зырянской этнографии // Социологические идеи П.А. Сорокина и современное общество. Сыктывкар, 1992. С. 70–72; *Семенов В.А., Несанелис Д.А.* У истоков этнографии коми (к 100-летию со дня рождения П.А. Сорокина) // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1998. С. 4–7. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 43); *Несанелис Д.А., Семенов В.А.* К критике некоторых этнографических идей П.А. Сорокина // Вестн. культуры Коми ССР. 1991. № 4. С. 85–87; *Они же.* Традиционная этнография коми в трудах П.А. Сорокина // Рубеж. 1991. Вып. 1. С. 47–56; *Семенов В.А.* Комментарий к одному этнографическому наблюдению П.А. Сорокина // Социологические идеи П.А. Сорокина и современное общество. Сыктывкар, 1992. С. 75–76; *Роцевская Л.П.* Культурные контакты П.А. Сорокина // Вестн. культуры Коми ССР. 1991. № 4. С. 87–89.

² *Хайлова Н.Б.* М.М. Ковалевский // Ковалевский М.М. Моя жизнь. М., 2005. С. 3–38.

ший источник для изучения духовной жизни народа, своеобразную форму коллективной психологии. Прогресс социальных институтов трактовался им как поступательное движение вперед, т.е. он был эволюционистом.

Один из сложных вопросов биографии нашего героя — его взаимоотношения с М.М. Ковалевским. Очень часто его биографы говорят о том, что П.А. Сорокин был его секретарем. Насколько это верно, сказать сложно. В личном фонде М.М. Ковалевского, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, мне не удалось найти следов их переписки, общения организационного характера, поручений академика, отчетов выполнения его поручений и т.д. Известно, что П.А. Сорокин опубликовал ряд статей, посвященных творчеству этого выдающегося ученого. О том, что они были лично знакомы, можно судить по письму П.А. Сорокина, отправленного из харьковского имения М.М. Ковалевского летом 1915 г. Кроме того, имеется одно письмо П.А. Сорокина на имя М.М. Ковалевского, в котором молодой ученый называет себя его секретарем. Оно было вызвано его арестом в феврале 1913 г.

Как мне кажется, в своем обращении на имя академика он дает ему таким образом повод защитить себя. И действительно, М.М. Ковалевский обращается на имя министра внутренних дел по этому поводу и получает интересный ответ от директора Департамента полиции С.П. Белецкого. Выясняется, что П.А. Сорокин был задержан «ввиду сведений о его близости к рабочей группе партии социал-революционеров», предполагавших протестные акции во время юбилейных торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых. «Упомянутый Сорокин <...> из под стражи освобожден и переписка о нем прекращена без всяких для него последствий»¹.

Летом 1912 г. П.А. Сорокин обращается в Императорское Русское географическое общество за содействием для поездки с научной целью на Русский Север. В итоге он получает удостоверение ИРГО, подписанное вице-пре-

зидентом Общества П.П. Семеновым-Тянь-Шанским, в котором отмечалось, что «предъявитель сего, Питурич Александрович Сорокин, отправляется с этнографическими целями в Вологодскую и Архангельскую губернии. В высшей степени заинтересованный в успехе означенного научного предприятия Совет ИРГО обращается с усерднейшей просьбой ко всем лицам и учреждениям, с которыми г-ну Сорокину доведется выступать в сношения при исполнении принятой им на себе задачи, <...> оказывать ему законное покровительство и возможное содействие»².

Этому предшествовала его самостоятельная поездка на Удору, в один из отдаленных районов Коми края³. Во время этой поездки он встретился с венгерским лингвистом **Д.Р. Фокош-Фуксом**.

Будучи этнографом, П.А. Сорокин достаточно серьезно занимался проблемой брака и семьи у коми-зырян. Этот аспект традиционной культуры рассматривается практически во всех его ранних этнографических работах⁴. Как видно из «Дневника путешествия на Удору», он собирал материалы по этим проблемам. Кроме того он посвятил анализу этого вопроса специальную статью⁵. Позднее он обращался к этой теме в своих социологических исследованиях⁶. В какой-то мере его интерес к этой проблематике понятен: профессионально занимаясь социологией под руководством М.М. Ковалевского, крупнейшего

² Цит. по: Дойков Ю.В. Человек вне сезона... С. 55.

³ Дневник этого путешествия хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома). Опубликовано Ю. Дойковым. Дойков Ю.В. Человек вне сезона... С. 57–66. Об этом путешествии см. также: Сорокин П. Пестрое кружево. Архангельск, 1993.

⁴ Сорокин П.А. Пережитки анимизма у зырян // Изв. АОИРС. 1910. № 20. С. 49–62; № 22. С. 39–47; Он же. Современные зыряне // Изв. АОИРС. 1911. № 18, 22, 23, 24.

⁵ Сорокин П.А. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Изв. АОИРС. № 1.

⁶ Обзор этого направления в теоретических воззрениях П.А. Сорокина см.: Ломоносова М. Социология семьи П.А. Сорокина // Гендерные исследования в контексте социологического образования. СПб., 2005. С. 56–66.

¹ Цит. по: Дойков Ю.В. Человек вне сезона... С. 83.

российского исследователя обычного права у народов России, в первую очередь кавказских, он пытался применить его методологию в другом регионе, в прочих культурно-исторических условиях.

Существующие у коми семейно-брачные отношения П.А. Сорокин рассматривает с точки зрения теории эволюции в рамках общего всемирно-исторического развития. Он испытывал влияние идей позитивизма Г. Спенсера, его учения о всеобщей механистической эволюции. Эволюцию П.А. Сорокин рассматривал как развитие всех явлений — от простейших неорганических до нравственных и социальных. Отмечая в своих статьях сексуальную свободу отношений в некоторых районах обитания коми-зырян, в первую очередь на Печоре, ученый рассматривает это явления как пережиток форм сексуальных отношений, известных под термином «групповой брак». По его мнению, свобода — явление универсальное, через которое прошли все народы. Позднее сведения своих полевых наблюдений П.А. Сорокин использовал в книге «Брак в старину: многомужество и многоженство»¹. В ней он с точки зрения эволюционизма рассматривает историю развития форм брака как процесс изменения от первобытного, группового брака к современному моногамному. Наблюдаемую у многих народов, в том числе «у зырян, пермяков, вотяков, черемисов и мордвы значительную половую свободу», он считает пережитком древней формы брака. По его мнению, в процессе исторического развития, умственного и нравственного усовершенствования человечества происходит ограничение свободы брачного общения. И существующие у разных народов обычаи религиозного гетеризма, полигамии, полиандрии, левирата и т.д. являются пережитком первобытного промискуитета.

Вторая проблема, исследованием которой занимался П.А. Сорокин, связана с проблемой религиозных представлений коми-зырян. Она

рассматривалась им в нескольких статьях². В них он выступает как эволюционист, усматривая в ряде проявлений сакрального характера у коми пережитки анимизма и тотемизма. В этой области основу его методологии составляет теория анимизма и метод пережитков Э. Тейлора, крупнейшего английского религиоведа. Приведенные П.А. Сорокиным данные непосредственно укладываются в рамки этой научной теории. Исследователь прямо говорит о своих методологических предпочтениях. Кроме того, на него большое влияние оказали Спенсер и социология религии Э. Дюркгейма. Последнему П.А. Сорокин посвятил три статьи.

Излагаемые ученым этнографические наблюдения и сделанные им выводы показывают, что его теоретические поиски находились в русле генеральной линии развития русской этнографии того времени. Собранные и опубликованные П.А. Сорокиным данные по традиционной культуре народов коми до настоящего времени являются важной источниковедческой базой.

В начале XX столетия в Усть-Сысольске появляется первое научное краеведческое общество — отделение Архангельского общества изучения Русского Севера. Оно было основано в 1910 г. стараниями нескольких местных интеллигентов: *А.А. Цембера*, А.Ф. Старовского, Н.П. Чеусова и др. Общество объединяло разных людей: депутата Государственной думы IV созыва С.Н. Клочкова, учителя П.П. Мотохова, начинающих поэта В.Т. Чисталева и писателя М.Н. Лебедева, земских деятелей, учителей, крестьян. Эти люди занимались в первую очередь сбором фольклорного и историко-этнографического материала. В 1914 г. в обществе насчитывалось 94 членов и членов-корреспондентов. Некоторые из них публиковались в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера». Как и общество в Архангельске, его Усть-Сысольское отделение просуществовало до 1919 г.

¹ Сорокин П.А. Брак в старину: многомужество и многоженство. Рига, 1913.

² Сорокин П.А. Пережитки анимизма у зырян...; Он же. К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян // Изв. ВОИСК. Вып. 4. С. 48–55.

Последней по времени крупной фигурой дореволюционного периода нарождающегося местного краеведческого движения в Усть-Сысольске был *Андрей Андреевич Цембер* (1874–1957) — краевед, фольклорист и лингвист, исследователь Коми края, организатор наук¹. Его научно-просветительская деятельность пришлось на рубеж XIX–XX вв.

Он родился в Усть-Сысольске, в семье мелкого местного чиновника, восходящего своими корнями к польским ссыльным, сосланным в эти дальние места за участие в восстании 1830–1831 гг. Правда, после революции его стали считали коми по национальности, так как его бабушка и мама были коми. Учился в местной приходской школе. Окончил Тотемскую учительскую семинарию, в которой учился на средства Усть-Сысольского земства, со свидетельством учителя начального училища. В 1893–1896 гг. работал учителем в небольшом коми селении Керчемья. Позднее — учитель Усть-Сысольского трехклассного городского мужского училища (с 1912 г. — высшего начального училища). Одновременно в Усть-Сысольске преподавал в женской воскресной школе для обучения неграмотных и малограмотных из числа взрослого населения. В 1899 г. выступил инициатором создания и открытия публичной библиотеки в Усть-Сысольске. В 1904 г. оставил преподавательскую работу и был назначен канцелярским служителем Усть-Сысольского уездного съезда, позднее — заведующим школьным хозяйством Усть-Сысольского земства, а также сборщиком денег в казенных винных лавках.

Л.П. Рощевская, которая одной из первых обратилась к творчеству А.А. Цембера, выде-

ляет в его научном творчестве три периода: 1907–1916, 1918–1922, 1923–1929 гг.² Соглашаясь в общем с этой периодизацией, мы бы хотели немного уточнить ее.

Она пишет, что в 1907–1916 гг. Цембер в основном занимался фольклорно-этнографическими и лингвистическими изысканиями. Л. Рощевская считает началом научной деятельности А.А. Цембера 1907 г., когда усть-сысольский краевед начал сотрудничать с *У.Т. Сирелиусом*. Но на самом деле научно-краеведческая деятельность А.А. Цембера началась под влиянием финского ученого *Ю.Й. Вихмана*, который в 1901–1902 гг. посетил Коми край. А.А. Цембер в тот момент был помощником-переводчиком и проводником финского ученого. Как он упоминает в своем дневнике, усть-сысольский преподаватель обучал гельсингфорского лингвиста коми языку³. В 1902 г. Финно-угорское общество по его рекомендации оказало А.А. Цемберу содействие в поездке по рекам Вычегде и Локчим, из которой он привез записи 12 сказок, 2 детские сказки, 4 песни, 15 причитаний, 30 загадок, а также словарь местных диалектизмов и топонимов⁴. Позднее эти материалы были отправлены Ю.Й. Вихману. По моему мнению, 1907 г. необходимо заменить 1901-й.

В 1907 г. А.А. Цембер активно помогает другому финскому ученому — *У.Т. Сирелиусу*, который некоторое время жил у него. В своем дневнике первый сделал следующую запись: «21 июня я с доцентом Гельсингфорского университета выехал в Мордино собирать этнографические сведения. Пробыли в Мордино до 26 июня и собрали много одежды старинной и посуды и прочей утвари, имеющей чисто зырянское происхождение, а не перенятое у русских. (Эти предметы в настоящее время хранятся в Национальном музее

¹ *Рощевская Л.П.* Книги Андрея Цембера // Уральский библиофил. Челябинск, 1989. С. 175–188; *Она же.* Исторические взгляды А.А. Цембера // Проблемы изучения и преподавания историографии истории СССР в высшей школе. Сыктывкар, 1989. С. 49–57; *Таскаев М.В.* Некоторые факты из биографии А.А. Цембера // Это нашей истории строки: материалы Первой городской конференции по историческому краеведению. Сыктывкар, 1990. С. 35–40; *Он же.* Ветеран коми краеведения // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 255–268; *Туркин А.И.* Цембер А.А. // Коми язык: энцикл. Сыктывкар, 1998. С. 544–546.

² *Рощевская Л.П.* Исторические взгляды А.А. Цембера // Проблемы изучения и преподавания историографии истории СССР в высшей школе. Сыктывкар, 1989. С. 49–57.

³ Цит. по: *Рощевская Л.П.* Книги Андрея Цембера... С. 177.

⁴ *Forschungsreisen* // FUF. 1902. Bd. 2. S. 82.

Финляндии. — А.Т.)»¹. После отъезда У.Т. Сирелиуса А.А. Цембер писал ему в Гельсингфорс о возможности приобретения новой коллекции для Национального музея Финляндии в с. Подъельск и Усть-Кулом². Позднее занялся сбором фольклора коми народа А.А. Цемберу посоветовал земляк, выходец из Коми края — профессор **К.Ф. Жаков**. Как видно из дневников А.А. Цембера, они познакомились в июле-августе 1908 г., когда К.Ф. Жаков находился в Усть-Сысольске, приехав на свою родину после работы в экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губернии под руководством **П.И. Соколова**³. В нем А.А. Цембер упоминает, что читал К.Ф. Жакову переведенную им и его женой на коми язык его литературную сказку «Майбыр»⁴. К.Ф. Жаков писал в основном по-русски, и Цемберы таким образом хотели познакомить жителей Коми края с творчеством столичного ученого на родном языке. Как видно из дневника, знакомство с К.Ф. Жаковым продолжилось позднее. Так, в 1909 г. он стал приемником (крестным отцом) родившегося сына А.А. Цембера, по желанию которого младенца назвали Георгием (Юрием) в честь **Г.С. Лыткина**⁵.

Пребывание в Усть-Сысольске в 1911 г. венгерского лингвиста и этнографа **Д.Р. Фокош-Фукса** дало новый толчок местному краеведческому движению. Одним из главных его помощников был А.А. Цембер. В «Известиях АОИРС» написано, что «г. Фукс в г. Усть-Сысольске изучает вычегодский говор зырянского языка под руководством составителя русско-зырянского словаря А.А. Цембера»⁶. Позднее он писал, что «записывал эти сказки, как рассказывали мне, так я и писал, не изменяя ни одного слова. Так мне советовал Фукс». Д. Р. Фокош-Фукс считал

А.А. Цембера продолжателем дела коми просветителя **Г.С. Лыткина** в борьбе за сохранение коми языка. Кроме того, Д. Р. Фокош-Фукс прислал ему свои публикации по материалам этой экспедиции. В настоящее время они хранятся в Национальной библиотеке Республики Коми.

В 1910 г. по инициативе А.А. Цембера было основано Усть-Сысольское отделение Архангельского общества изучения Русского Севера. Сам ученый членом этого общества стал несколько ранее, и его сотрудничество с ним заключалось в предоставлении в Архангельск материалов о краеведении в Коми крае. Целью общества, как было записано в его Уставе, было изучение истории, географии, этнографии Усть-Сысольского у., привлечение внимания правительства и общества к нуждам и особенностям уезда. В том же 1911 г. при нем, финансируемый Уездным земским собранием, был открыт краеведческий музей. Во многом организации музея способствовало то, что местная интеллигенция отрицательно рассматривала вывоз культурных артефактов с территории края, особенно сборы **У.Т. Сирелиуса** и **Балога**. Например, слушательница высших Бестужевских курсов В.П. Куликова, выступая в 1911 г. на заседании местного уездного Земского собрания, останавливаясь на сборах и вывозе местных культурных ценностей, заявила: «Кто может поручиться, что не случится совершенной утраты вещей», предлагала создать в Усть-Сысольске свой «Музей редкостей и древностей Зырянского края»⁷.

Итогом краеведческой работы А.А. Цембера в предреволюционные годы стала публикация фольклорного и фольклорно-литературного сборников на коми языке, в которые вошли 32 песни и несколько свадебных причитаний, а также «Русско-зырянского словаря», изданного на свои собственные средства тиражом в 1000 экземпляров⁸. В сборнике

¹ Цембер А.А. Дневник. Сыктывкар, 1997. С. 34.

² Шаранов В.Э. Пермская экспедиция У.Т. Сирелиуса // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 126–127.

³ Роцевская Л.П. К.Ф. Жаков о поэте И.А. Куратове // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1990. Т. 6. С. 84–85.

⁴ Цембер А.А. Дневник... С. 37.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Изв. АОИРС. 1911. № 13. С. 71.

⁷ Цит. по: Паноков А. «Спецхран» культуры // Вестн. культуры Коми ССР. Сыктывкар, 1992. № 3. С. 74.

⁸ Цембер А.А. Коми мойданкывяс [Коми сказки. На коми языке]. Усть-Сысольск, 1913; Он же. Коми

«Коми мойдан да съыланкывяс» он впервые опубликовал стихотворные произведения некоторых коми поэтов этого времени, выдав их за фольклорные тексты. Несмотря на небольшой объем, фактически эти сборники были первыми специальными изданиями текстов на коми языке в России. Ранее подобный сборник был издан в Австро-Венгрии венгерским фольклористом *Д. Фокош-Фуксом*. Словарь коми языка, составленный автором в алфавитном порядке на основе русской графики, содержал около 4000 слов, коми азбуку, таблицу склонения существительных и спряжения глаголов, числительные и народный счет денег, а также своеобразный краткий коми-русский разговорник. Он сыграл важную роль в изучении и усвоении русского языка коми учащимися в качестве начального учебного пособия и стал первым общедоступным сочинением для учеников местных школ, так как Министерство народного просвещения разрешило размещать его в библиотеках народных начальных училищ, расположенных в местностях с коми населением.

В 1916 г. А.А. Цембер уехал в Вологду. Это было связано с тем, что с ведением в 1914 г., в начале Первой мировой войны, «сухого закона» была прекращена продажа водки и закрыты казенные винные лавки. Он остался без акцизной службы, которая приносила его многодетной семье существенный денежный доход. Поэтому его, как члена Российской биржевой артели, сначала назначили в Вологду, а затем в 1916 г. — в Донбасс, в Юзовку, на должность главного кассира Рабочего кооператива, где он прожил до 1918 г. В Усть-Сысольске по возвращении на родину его деятельность начинается с должности делопроизводителя школьного подотдела Отдела народного образования. В том же году А.А. Цембер становится членом РКП(б). Он активно участвует в становлении новой советской школы, распространении литературы на языке коми. Например, он был автором перво-

го публичного обращения к жителям края с просьбой собирать коми фольклор, который он считал неотъемлемой частью литературы на коми языке¹. В 1919–1921 гг. А.А. Цембер подготовил переработанный, увеличенный по объему вариант Русско-зырянского и зырянско-русского словаря. Но, к сожалению, здесь его постигла неудача, ибо Русско-зырянский словарь был издан без упоминания о его авторе. Хотя А.А. Цембер и пытался восстановить свое имя, но сделать это ему не удалось². Работал преподавателем коми языка в Усть-Сысольске. В 1919 г. некоторое время состоял в Москве в должности заведующего зырянским отделом при Народном комиссариате по делам национальностей, позднее — зырянским инструктором отдела просвещения национальных меньшинств. По-видимому, в это время ему приходилось общаться с И.В. Сталиным, который возглавлял этот наркомат, а также с другими руководителями Советской России. Тогда же он принял участие в работе Всероссийского совещания по национальным вопросам в августе 1919 г.

В конце 1919 г. А.А. Цембер вновь прибыл в Коми край и начал учительствовать. Здесь он становится инициатором общественного обсуждения т.н. «молодцовского» шрифта коми языка³. В это время он был ярким сторонником создания коми письменности на основе латиницы и активно участвовал в т.н. процессе «зырянизации». Это был период романтического увлечения национальными языками в Советской России и попыток ведения государственного делопроизводства на национальных языках, т.е. создания реального дву-

¹ *Цембер А.А.* От комиссии по собиранию и созданию зырянской литературы для школы и народа // Изв. Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. 1918. № 56.

² *Таскаев М.В.* Ветеран коми краеведения... С. 256–257. Об этой истории в версии А.А. Цембера см.: *Цембер А.А.* Дневник... С. 74–75, 77.

³ *Таскаев М.В.* Ветеран коми краеведения... С. 258–259. О В.А. Молодцове см.: *Жеребцов И.Л.* Создатель коми алфавита // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 205–223.

мойдан да съыланкывяс [Коми сказки и песни. На коми языке]. Усть-Сысольск, 1914; *Он же.* Русско-зырянский словарь. Усть-Сысольск, 1910.

язычия в стране¹. Это коснулось и Коми края. Данной проблеме была посвящена статья А.А. Цембера «Народное образование у зырян», в которой он дал прекрасный обзор развития образования в Коми крае и заметил, что «зырянский язык в последнее время приобретает права гражданства»². Но после завершения дискуссии по «молодцовскому» алфавиту он был разочарован и начал выступать против использования языка коми в качестве литературного, предлагал ограничить его употребление бытовой сферой и перейти на русский язык в административной области. А.А. Цембер писал: «Я начинаю соглашаться с теми, которые говорят, что зырянский язык — мертворожденное дитя. Если это так, предоставим мертвеца мертвецам, а мы, живые, пойдем через русский язык к всемирному языку»³. Последний раз против «молодцовского» шрифта он выступил на конференции коми литературных работников в августе 1923 г., но также безуспешно⁴. Все это А.А. Цемберу припомнили в 1930-е гг. и обвинили его в великодержавном шовинизме.

Деятельность А.А. Цембера характеризовалась подобным образом вплоть до 1970-х гг. Например, Я.Н. Безносиков повторил аналогичную оценку: «За этими левацкими фразами нетрудно заметить пренебрежительное отношение к родному языку, вольную или невольную поддержку великодержавных тенденций»⁵.

После этого он постепенно отходит от лингвистических проблем и начинает активно заниматься историей, по сути, становится первым исследователем революционных со-

бытий в Коми крае⁶. По данным Л.П. Рощевской, этой проблеме он посвятил 12 статей общим объемом более 5 п.л.⁷ Данными работами А.А. Цембера как фактическим материалом активно пользовался *Н.И. Ульянов* в своей книге, посвященной истории коми-зырян. Затем наступил период забвения, и только в наши дни его исследования начали рассматриваться как исторические источники, оставленные нам участником этих событий.

В 1922 г. А.А. Цембер становится заведующим Коми областным архивом⁸. Этому предшествовала его работа заведующим бюро Истпарта при обкоме РКП(б). За 14 лет, пока он возглавлял архив, ему удалось перевезти из закрываемых церквей, монастырей, волостных правлений на территории Коми края значительное количество разнообразных документов, в частности местные церковные летописи, метрические книги и т.д., которые сохранились во многом лишь благодаря его инициативной деятельности⁹. Он привозил многие дела из Вологды, Яренска, Великого Устюга и т.д. На основе анализа этих документов исследователь написал несколько работ по истории Коми края, которые помогают расширить границы наших познаний о далеких временах¹⁰.

⁶ Цембер А.А. 1917 год в Усть-Сысольске // Изв. Коми ОК РКП(б). 1923. № 7–8. С. 49–54; № 9. С. 60–65; Он же. К материалам по истории революции в Коми крае. Усть-Сысольск в 1918 г. // Коми му. 1924. № 1–2. С. 79–85; № 4–6. С. 102–106; № 7–10. С. 87–92; 1925. № 2. С. 31–35; № 12. С. 30–36; Он же. Некоторые документы из жизни города Яренска в революционные годы // Коми му. 1926. № 9. С. 28–33; № 12. С. 22–25; 1927. № 9. С. 25; 1928. № 1. С. 31–36; № 3. С. 39–43; № 6. С. 39–41; Он же. Десять лет тому назад. Февральская революция в Усть-Сысольске // Коми му. 1927. № 10–11. С. 55–58.

⁷ Рощевская Л.П. Исторические взгляды А.А. Цембера... С. 50. Там же см. характеристику этих работ.

⁸ Постановление Президиума Коми облисполкома № 380 // Культурное строительство... С. 91.

⁹ Об условиях, в которых ему пришлось работать, см.: Макеева Е.А., Панчишина Н.Ф. Весь многолетний труд. Из дневников А.А. Цембера (1932–1936 гг.) // Родники Пармы. Сыктывкар, 1990. Вып. 2. С. 87–95.

¹⁰ Цембер А.А. Две корреспонденции из г. Усть-Сысольска в 1838 г. // Коми му. 1926. № 12. С. 29–30;

¹ Об этом процессе в Коми крае см.: Шахов Н. Зырянизация // Коми му. 1924. № 1–2. С. 65–73; Он же. Зырянизация // Коми му. 1925. № 10–11. С. 96–105.

² Цембер А.А. Народное образование у зырян // Жизнь национальностей. 1919. № 36–37.

³ Югд туй. 1923. 23 апр.

⁴ Итоги конференции коми литературных работников // Югд туй. 1926. № 179; Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937: сб. док-тов. Сыктывкар, 1979. С. 96.

⁵ Безносиков Я.Н. Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 73.

В 1918–1919 гг. А.А. Цембер в качестве секретаря вошел в состав «Комиссии по собиранию и созданию зырянской литературы для школы и народа». В декабре 1918 г. комиссия обратилась к коми народу с призывом активно собирать произведения устного народного творчества¹. В августе 1919 г. ученый принял участие в работе Всероссийского совещания нерусских народов в Москве. С момента создания в 1924 г. Общества изучения Коми он был одним из активных членов этой авторитетной общественной краеведческой организации. Часто выезжая в различные районы Коми, участвовал в местных учительских конференциях, занимался организацией краеведческой работы, проводил методическую работу, помогая советами в составлении программ историко-этнографического характера. А.А. Цембер опубликовал ряд работ исторического плана, в частности, он первым попытался проанализировать общественно-политическую ситуацию в регионе в предреволюционные и революционные годы.

В начале 1920-х гг. принимал активное участие в дискуссиях о формах и методах проведения т.н. «зырянизации», в том числе об использовании коми языка во всех сферах общественной жизни. Активно сотрудничал с местными журналами «Коми му» (Коми край) и «Культура фронт» (Культурный фронт). В частности, опубликовал статьи о путешествии **И.И. Лепехина**². В 1932 г. был принят членом секции научных работников при Коми педагогическом институте.

Начиная с 1927 г. для А.А. Цембера настали трудные времена. В Рабоче-крестьянскую инспекцию Коми Автономной Области

кто-то писал на него доносы. Он считал, что в основе этих писем лежит простое «подсуживание». В 1929 г. его исключают из партии «за отрыв от масс, партийной жизни и пассивность»³. А.А. Цембер подал апелляцию и в следующем, 1930 г. его сначала восстановили, а через полгода вновь исключили. В местных газетах началась настоящая травля исследователя как «великодержавного шовиниста, отрицающего рост национальной культуры»⁴. Но он не отчаялся и обратился в Центральную контрольную комиссию ВКП(б), его восстанавливают в партии. В 1933 г. А.А. Цембер преподавал архивоведение в Коми педагогическом институте, созданном в 1932 г. в Сыктывкаре.

В феврале 1936 г. он был отстранен от должности заведующего областным архивом «в связи с выявленными злоупотреблениями»⁵. 16 февраля 1936 г. А.А. Цембер записал в своем дневнике: «Сегодня надо считать одним из несчастливейших дней моей жизни. Сегодня сдавал свою должность директора областного архива. Весь многолетний труд сдал по доносу подлеца, клеветника и кляузника»⁶. Известно, что ранее, в начале 1934 г., его пытались арестовать и осудить за связи с эсерами. А.А. Цембер, защищаясь от обвинений в свой адрес, приводил высказывания **Н.И. Ульянова**, который считал его работы «в высшей степени ценным, так как они представляют собой единственную сводку данных о революции в Коми крае»⁷. Однако его противники приводили высказывания другого историка, **В.М. Подорова**, который критиковал А.А. Цембера за то, что тот «утверждал... что рабочий класс Коми не принимал никакого участия в социалистической революции»⁸.

Он же. Разбойное дело 1777 г. // Коми му. 1927. № 6–7. С. 93–95; *Он же.* Алименты в 17 столетии в зырянском крае // Коми му. 1927. № 6–7. С. 45; *Он же.* К истории основания Сереговского солеварного завода // Зап. ОИКК. 1929. Вып. 2. С. 48–50.

¹ Культурное строительство в Коми АССР... С. 26–27.

² *Цембер А.А.* Путешествие академика Лепехина в 1771–1772 гг. // Коми му. 1927. № 4–5. С. 54–57. Полный список трудов А.А. Цембера см.: *Цембер А.А.* Дневник... С. 182–183.

³ *Цембер А.А.* Дневник... С. 84–87.

⁴ *Таскаев М.В.* Ветеран коми краеведения... С. 263–265.

⁵ *Макеева Е.А., Панчишина Н.Ф.* Весь многолетний труд... С. 93.

⁶ *Роцевская Л.П.* Исторические взгляды А.А. Цембера... С. 55.

⁷ *Ульянов Н.И.* Очерки истории... С. 120.

⁸ *Подоров В.М.* Очерки по истории Коми... С. 184–185.

В апреле 1936 г. обвинения в срыве архивной работы прозвучали в его адрес в постановлении Президиума Областного исполкома. Вскоре, в 1936 г., А.А. Цембер уехал из Сыктывкара в Пятигорск, где жила его дочь, и провел там остаток жизни. Умер в 1957 г. В Пятигорске он пережил немецкую оккупацию. В 1946 г. в письме к коми писателю М.Н. Ле-

бедеву он написал о своем одиночестве: в войну погибли три сына, позже умерла жена.

Завершая очерк об исследователе А.А. Цембере, следует вспомнить, что он — один из немногих коми краеведов, которых в 1920–1930-е гг. миновали арест и другие серьезные гонения, хотя его и разлучили с любимым делом.